N 5 (9), ИЮНЬ 1993

ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ

БОРЬБА ТИТАНОВ

Фото Сергея Грица

По сути уже сейчас идёт борьба за президентское кресло, которого ещё нет. Вместе с тем политическое противостояние В. Кебича и С. Шушкевича осложняет международное положение Республики. Понятно желание премьера не дать С. Шушкевичу в полной мере использовать политический капитал, нажитый последовательным отстаиванием курса на безъядерность Беларуси. Однако в результате внутриполитических склок республика может лишиться миллионов долларов.

Статью о политическом противостоянии Вячеслава Кебича и Станислава Шушкевича читайте на стр. 2

В НОМЕРЕ:

☐ КОЛЛЕКТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: PRO I CONTRA . . . . . стр. 3—4

☐ «ПАРТИЯ ВЛАСТИ» НА УКРАИНЕ
Статья Владимира Алексеева . . . . . стр. 8

☐ ВИЛЬНЮС КАК ФОРМА ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
Диалог Чеслава Милоша и Томаса Венцловы . . . . . стр. 11—13

☐ НОЧЬ В ШТАБ-КВАРТИРЕ СНГ
Фельетон Globe Trotter'а . . . . . стр. 16

АВАНСЦЕНА

ИГОРЬ СИНЯКЕВИЧ

БОРЬБА ТИТАНОВ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В.КЕБИЧА И С.ШУШКЕВИЧА ОСЛОЖНЯЕТ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ

Согласно сообщению агентства БелаПАН, более месяца остается без ответа нота посольства США в Минске министерству иностранных дел Беларуси по поводу выступления представителя Совмина Геннадия Данилова на пресс-конференции 15 апреля. В ноте приводится следующая цитата из заявления начальника Управления по вопросам прав граждан, общественной безопасности и оборонной работы: «...Вербовка наших граждан, которые сегодня в Польшу едут, ведется довольно активным образом, довольно активным. Интерес к воинским частям, к оборонным предприятиям в последнее время значительно активизировался. Вот тот, который к нам приехал посол... вот... У нас здесь есть американцы?.. Нет?.. Нет. Посол... Это тот, который организовал »Солидарность" в Польше... вот... Это тот... да... Суорц. Он же сам организовал... Потом на Украине побывал, сейчас к нам перебрался..." Далее в ноте говорится: «Это предложение, взятое в контексте... имеет в виду, что посол занимается подрывной деятельностью в Беларуси». Посольство США затребовало объяснений, отметив, что высказывание Г.Данилова «вряд ли соответствует заявленному желанию правительства Республики Беларусь поддерживать дружественные отношения с США».

Как уже сказано, нота остается пока без ответа. И не удивительно, если учесть, что гипотетически возможны лишь два варианта ответа. Первый: МИД Беларуси сообщает, что заявление Г.Данилова не отражает официальной точки зрения белорусского правительства, приносит свои извинения и доводит до сведения американских дипломатов, что Г.Данилов уволен в отставку. В этом случае двусторонние отношения нормализуются. Вариант второй: МИД заявляет, что высказывание Г.Данилова соответствует позиции правительства республики. Молчание является разновидностью такого ответа. В этой ситуации можно ожидать похолодания в отношениях между Беларусью и Соединенными Штатами, что может выразиться, например, в свертывании программ помощи или отмене режима наибольшего благоприятствования для Беларуси в торговле с США. И уж, по крайней мере, возникнет вопрос о целесообразности визита белорусской делегации на высшем уровне в Вашингтон. Если же визит в таких условиях все же состоится, то его результаты будут минимальными.

Неизбежен вопрос: кому это выгодно? Кому выгодно сорвать или минимизировать результаты визита Станислава Шушкевича в Америку? Ответ очевиден: политическим противникам главы республики. Тогда естественен следующий вопрос: случайным ли было заявление Г.Данилова? Ответ на него дает красноречивое молчание МИДа и Совмина.

Для полноты картины можно напомнить о другом скандале, связанном с предстоящим визитом на высшем уровне в США. Станислав Шушкевич на пресс-конференции 12 мая сказал, что некоторые дипломатические работники без согласования с ним заявили, о неприемлимости сроков визита, предложенных американской стороной. 18 мая МИД сделал официальное заявление для прессы, в котором опроверг высказывани С.Шушкевича без упоминания его имени: «Приведенная в публикации информация о действиях дипломатических служб республики не соответствует действительности, и это официально подтверждено американской стороной в Вашингтоне на соответствующем уровне. Американская сторона принесла Посольству Республики Беларусь и МИДу РБ официальные извинения». В свою очередь, С.Шушкевич в интервью газете «Звязда» (22.05) назвал заявление МИДа фальшивкой. По его словам, посол США в Беларуси Дэвид Суорц подтвердил правдивость приведенной информации. С.Шушкевич заявил, что имел беседу с премьер-министром В.Кебичем по этому поводу и сообщил ему о недопустимых методах работы МИДа. По мнению главы государства, инцидент является «проблемой моральной чистоплотности министра иностранных дел». С.Шушкевич заявил, что с этого момента будет говорить с главой МИДа только в присутствии свидетелей.

Конфликт между Станиславом Шушкевичем и Петром Кравченко развивается с начала апреля, когда спикер подверг резкой критике работу внешнеполитического ведомства. До этого создавалось впечатление, что оба политика близки по взглядам, в частности, в вопросах геополитической ориентации (принцип равноудаленности) и нейтралитета Беларуси. Однако беспричинная, на первый взгляд, ссора и последовавший за ней международный инцидент наводят на мысль, что П.Кравченко никогда не был искренним сторонником С.Шушкевича. В подтверждение этой версии говорят многочисленные случаи нарушения С.Шушкевичем дипломатического протокола в ходе зарубежных поездок. Глава парламента, пришедший в большую политику с профессорской кафедры, естественно, не осведомлен в дипломатических тонкостях. А МИД не смог или, что более вероятно, не захотел проинструктировать лидера республики, тем самым неоднократно «подставляя» его.

По сути сейчас идет борьба за президентское кресло, которого еще нет. Понятно желание премьера не дать С.Шушкевичу в полной мере использовать политический капитал, нажитый последовательным отстаиванием курса на безъядерность Беларуси. Однако в результате внутриполитических склок республика может лишиться нескольких десятков миллионов долларов.

ВАЛЕРИЙ КАРБАЛЕВИЧ

ПАРЛАМЕНТ КАК ЗЕРКАЛО НАШЕГО ОБЩЕСТВА

«Я разговаривал в парке с избирателями, и они мне сказали, что президент нам не нужен». Эта замечательная фраза из выступления депутата на сессии Верховного Совета Беларуси может стать такой же крылатой, как известное высказывание сознательной советской женщины на советско-американских теледебатах первых лет перестройки, которая простодушно заявила: «Секса у нас нет». В нашем случае депутатское высказывание — классическая иллюстрация, символ уровня государственного мышления нашего парламента.

Когда говорят, что Верховный Совет отражает взгляды, настроения, уровень сознания нашего населения, то с этим в какой-то мере можно согласиться. Но в этом и трагичность ситуации.

Общественные катаклизмы последних лет, свалившиеся на головы наших граждан, вызвали хаос не только в экономической и политической системе, но и в головах людей. Растерянность, панические настроения от непонимания происходящего, недоверие к государственным институтам вообще, апатия и озлобленность — все это вполне закономерно. Вместо осознания своих интересов, которые еще четко не оформились, на первый план выходят политические инстинкты, устоявшиеся идеологические стереотипы. Это естественное состояние общества в переходный период. Плохо то, что все это находит почти буквальный резонанс в Верховном Совете.

В демократическом обществе парламент не является и не должен являться зеркальным отражением общества. В высшем органе представительной власти должен быть собран политический, интеллектуальный потенциал нации. Депутат должен быть хотя бы чуть-чуть умнее среднестатистического гражданина, уметь определять доминирующую общественную тенденцию, просчитывать ситуацию хотя бы на один ход вперед, видеть коренные, долгосрочные, а не только сиюминутные интересы государства и общества. От способности сформировать собственную политическую элиту зависит выживание нации. И если депутат в парламенте по простоте душевной буквально повторяет то, что ему сказали «в парке», подчеркивая при этом, что он говорит от имени народа, — то горе тому народу. Дорого нам обходится ленинская идея о кухарке, способной управлять государством.

Наиболее ярко недееспособность нынешнего белорусского парламента проявилась при обсуждении проекта Конституции Республики. Большая часть предложений конституционной комиссии отвергнута сессией. Главная причина такой ситуации, на наш взгляд, в неструктурированности парламента. Вместо организованных партийных фракций мы видим хаотичный конгломерат «независимых» депутатов. В результате Верховный Совет стал неуправляемым и зашел в тупик.

Устоявшееся представление о том, что самая многочисленная фракция парламента «Беларусь» контролирует ситуацию и проводит все нужные решения, нуждается в уточнении. Все дело в том, что она не является партийной фракцией в том смысле, как это понимается в европейских парламентах: с жесткой дисциплиной, четким механизмом партийного контроля, рычагами воздействия на каждого из своих членов. В нашем же Верховном Совете депутат свободен от обязательств перед партией, ибо не она его привела в парламент, и голосует, как ему вздумается. В результате мы видим, что, хотя «Беларусь» имеет едва ли не большинство в Президиуме Верховного Совета и в конституционной комиссии, но на сессии неожиданно вносится от ее имени альтернативное предложение по повестке дня, а многие положения Конституции набирают намного меньше голосов, чем число членов фракции. Поражает разнобой в итогах голосования по одному и тому же вопросу.

В этих условиях парламенту трудно договориться о принятии каких-то согласованных решений. Компромисс найти гораздо легче организованным группам депутатов, чем «независимым». При обсуждении Конституции особенно проявилась неработоспособность нашего Верховного Совета. Есть опасность, что и следующий состав парламента будет иметь те же пороки. Выходом из этой ситуации могли бы быть выборы по пропорциональной системе, т.е. по партийным спискам. Это помогло бы структурировать парламент, сделать его работоспособным. Но надежда на то, что нынешние депутаты это поймут, очень небольшая.

Рис. А. Свинаренко

АВАНСЦЕНА

ЮРИЙ КОТОВ

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ

Зенон Позняк сделал Беларусь военной союзницей России. Сохранение курса на нейтралитет и проведение глубоких экономических реформ требовали принятия непопулярных мер, которыми не преминула бы воспользоваться оппозиция. Поэтому номенклатура стала искать союзников за пределами Беларуси. 20 июля Беларусь подписала военный договор с Россией на 5 лет, а взамен получила право покупать нефть по внутрироссийским ценам только до конца года. Сейчас в обмен на дешевую нефть правительство В.Кебича готово войти в систему коллективной безопасности СНГ, завтра — отдать в залог все нефтепроводы на территории республики (такое предложение уже прозвучало на заседании Совмина), а послезавтра — подпишет федеративный договор и инкорпорирует Беларусь в состав России (согласно газете «Звязда» за 1.06., госсекретарь Беларуси по делам Содружества Владимир Заломай уже заявил на переговорах о стремлении республики заключить союз с Россией на любых условиях). Нефть нужна каждый день, а в атрибутике суверенной Беларуси осталось так мало того, что еще не продано. Отношения между Беларусью и Россией все меньше выглядят равноправными и все больше напоминают отношения вассала и господина.

Четко уловив, что народ пойдет за тем, кто снизит цены на перловку на 20 копеек, правительство В.Кебича все свои усилия направляет на то, чтобы паразитировать на стратегических интересах России. Поставить капельницу больной белорусской экономике из дешевой российской нефти — вот все, на что хватает нынешнего правительства. Тем более, что это соответствует интересам коррумпированных групп, наживающих миллионы долларов на реэкспорте нефти.

Было бы странно, если бы советники премьера не понимали, что после «первой брачной ночи», как только Беларусь утратит самостоятельность, а значит потеряет свой

главный козырь — выгодное геополитическое положение, республика сразу же станет неинтересна России. Вряд ли из Москвы проблемы Беларуси будут видны лучше, чем из Минска. Однако В.Кебича по-видимому это и не беспокоит. Сохранить реальную власть, но переложить ответственность на Москву — это ли не выход для стоящих на грани банкротства политиков? Назад, к тем временам, когда в апреле 1991 года газеты мира обошел снимок: В.Кебич на трибуне над морем голов на площади Ленина развел руками, дескать, не я цены повысил — союзный премьер Павлов. Имея прекрасные исходные данные — практически полную концентрацию власти, доверие низовых структур, отсутствие серьезной оппозиции, терпеливый и трудолюбивый народ, — правительство тем не менее так и не предприняло серьезных шагов на пути реформирования экономики.

День 29 октября 1992 года, когда Верховный Совет Беларуси запретил референдум о досрочных выборах, стал переломным в развитии политической ситуации в республике. Запретив референдум и убедившись, что народ безмолвствует, номенклатура пошла в наступление на куцые завоевания национал-демократических сил, забывая, что фракция «Оппозиция БНФ» — это еще не вся оппозиция, и даже все вместе взятые партии и движения — тоже не вся оппозиция. Верховному Совету и правительству доверяют по разным опросам от 6 до 14% населения.

Опьяненные победой над парламентской оппозицией, бывшие коммунисты теряют самоконтроль. Все чаще парламент принимает сомнительные с точки зрения легитимности решения: запрещение референдума, отказ от провозглашенного в конституционном документе принципа нейтралитета и т.д. Несомненно, фракция «Беларусь» в этом же духе рассмотрит инициативу С.Шушкевича о проведении референдума по нейтралитету. Звучат и более смелые предложения. Один из депутатов этой фракции предложил продлить полномочия Верховного Совета свыше предусмотренного конституцией 5-летнего срока. Надо полагать, следующим будет предложение о пожизненном сохранении депутатских полномочий. Как тут не вспомнить историческую аналогию. Московский князь Андрей Боголюбский был убит приближенными, которые не могли, как это было до него, просто избрать нового князя. А в Британии «долгий парламент» закончился многолетней смутой. Знаем мы из сравнительно недавней истории, чем закончилось широко известное «головокружение от успехов».

Подземные толчки уже ощущаются: ближайшее резкое повышение цен, похоже, может стать детонатором, способным взорвать обманчивую белорусскую тишину.

БЕЛАРУСЬ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВАЛЮТНЫЙ ФОНД

С заведующим секретариатом экспертного совета по координации работы республиканских органов с международными финансово-кредитными организациями Евгением Богомазовым беседует корреспондент "Европейского времени"

—Евгений Георгиевич, в свое время вы заявляли, что в апреле правительство Беларуси и МВФ подпишут совместный меморандум. На какой стадии сегодня переговорный процесс с международными финансовыми организациями?

—Та программа, которую правительство представило на рассмотрение МВФ, не отвечает требованиям этой организации. Это прежде всего касается неопределенности по отношению к рублевой зоне. МВФ требует ясности: либо мы находимся в рублевой зоне, либо мы вводим свою валюту. Только в случае четкого понимания того, какая валюта будет использоваться на этой территории, МВФ может строить свои отношения с нашим государством. Потому что если мы остаемся в рублевой зоне, то должны полностью скоординировать свою макроэкономическую политику и синхронизировать с Россией все этапы системных реформ. Это потребует изменений в уже принятых законодательных актах. Наше правительство заявило, что технически и организационно мы готовы ввести национальную валюту, но необходимо политическое решение. Если процессы интеграции возобладают и выгоды будут четко вырисовываться, ни о какой национальной валюте не может быть и речи. Если процесс дезинтеграции продолжится, то будет принято соответствующее решение. Неопределенность в этом вопросе является причиной того, что МВФ не рассматривает подготовленный белорусским правительством еще полгода назад меморандум и предоставление кредита для укрепление платежного баланса отложено.

Кроме того, выделение кредита stand buy связано с соблюдением ряда макроэкономических показателей, которые Международный валютный фонд контролирует. Это и размер бюджетного дефицита, и уровень инфляции, и показатели кредитной и банкнотной эмиссии, и система установления обменного курса. Все эти показатели взаимосвязаны с финансовой системой и влияют на ее стабильность.

—К другим странам СНГ Международный валютный фонд предъявляет такие же требования?

—Требования МВФ ко всем государствам мира абсолютно идентичны. Без финансовой стабилизации реальную рыночную экономику создать нельзя. Как бы мы ни ссылались на объективные трудности и особые условия все равно не существует другого способа создать цивилизованный рынок, кроме наладки финансовой системы. Потому что это кровеносная система экономики. Если она больна, то и другие части этого большого организма будут страдать. Те модели, которые нам предлагаются, были апробированы в 20-30 годы в Соединенных Штатах, в послевоенный период в Европе и позднее — в развивающихся странах. Поэтому МВФ довольно жестко отстаивает испытанные практикой аксиомы. Однако учитывая, что преобразования происходят на огромной территории бывшего Союза, Международный валютный фонд недавно принял решение создать для стран СНГ специальный Фонд поддержки преобразования, условия получения кредитов из которого будут намного мягче, чем обычно. И главное — не требуется обязательной определенности в вопросе, какая валюта будет использоваться. Если республике удастся получить от МВФ первый кредит из льготного Фонда, то это даст возможность брать и другие займы.

—Согласны ли вы с утверждением, что в нынешнем руководстве республики нет людей, способных проводить системные реформы?

—Если давать общую оценку руководству Беларуси, то можно сказать, что такие суждения имеют под собой основания. Сложно людям, проработавшим всю жизнь в старой системе принять новые идеи и перестроиться на реформы. Работая в аппарате правительства, я на личном опыте убедился, что большая часть руководства республики достаточно консервативна. Хотя и наблюдается сближение позиций правительства республики и Международного валютного фонда. Но происходит это очень медленно и с большим напряжением. И я не уверен, что нынешний состав правительства полностью воспримет те рекомендации, которые предлагает МВФ. Однако я не вижу и альтернативы: тех сил которые могли бы включиться в предвыборную компанию и выдвинуть более радикальные программы. Наверное, в Беларуси процесс смены политиков будеть идти достаточно долго. Что касается персоналий, то есть среди руководства люди, способные проводить более интенсивные преобразования. Это председатель Национального Банка Станислав Богданкевич, а среди членов правительства — первый заместитель председателя Совмина Михаил Мясникович. Есть достаточно много людей знающих, мыслящих, активных и среди консервативного крыла руководства. Собственно, правительство за счет этого и живет: есть генераторы, стимуляторы реформ, есть сдерживающие консерваторы, есть исполнители, есть те, кто корректирует ход преобразований. Это как раз и образует общее действие.

—Как вы считаете, правительство сумеет подготовить радикальную экономическую реформу или оно лишь ухудшит ситуацию?

—Я думаю, что политика нынешнего кабинета в любой случае способствует тому, чтобы реформа шла. Другое дело, что отложенные, нерешенные вопросы накапливаются и может назреть момент, когда надо будет принять радикальные меры, сделать прорыв. Но необязательно это должно сопровождаться сменой власти. Возможен вариант, когда это же правительство само его совершит.

—И когда, на ваш взгляд, это может случиться?

—Я думаю, до конца года ничего не произойдет. А вообще экономический спад, по моему мнению, будет продолжаться, по объективным причинам еще примерно три года. И только к 1999-2000 году мы сможем достигнуть безинфляционного развития и начнется подъем. Здесь мои оценки несколько расходятся с выводами экспертов МВФ: они считают, что подъем начнется на 2-3 года раньше.-

КОЛЛЕКТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:

Фото Рейтер

«Нельзя сорвать розу с креста настоящего, не приняв и крест».
Георг Вильгельм ГЕГЕЛЬ

ВАДИМ БУЕВИЧ

НАРУШЕННЫЙ ПОКОЙ

Вот и у нас в Беларуси нарушено национальное согласие, которым мы небезосновательно гордились и которое давало шанс на относительно безболезненное проведение экономических преобразований. После внеочередного съезда народных депутатов началось политическое противостояние, результаты которого, при вовлечении в него общественных сил, предсказать невозможно. Можно лишь только с уверенностью утверждать, что ничего хорошего народу Беларуси это не принесет, ибо за разгорающейся политической борьбой решение насущных проблем экономического развития все больше будет отодвигаться на задний план.

Логика оппонентов договору.

Принимая решение о присоединении к договору о коллективной безопасности, мы неизбежно должны будем рассмотреть и возможность подписания соглашения о концепции военной безопасности государств-участников СНГ, подписанное в Бишкеке и представляющее собой образец постсоветской военной мысли. С.Шушкевич данное соглашение не подписал и, как представляется, правильно сделал.

В соглашении указывается, что «военная политика... направляет свои усилия... на принятие мер по предупреждению возникновения межгосударственных и гражданских войн». Иными словами, если военные аналитики приходят к выводу, что в результате бурных парламентских дебатов возникает угроза гражданскому миру, принимается решение о роспуске парламента. Военная политика также «способствует... осуществлению прав человека». Создается впечатление, что общечеловеческие ценности стали использовать не задумываясь, и вроде бы доброе намерение, касающееся прав человека, превращается либо в хитрую уловку, либо в откровенный абсурд. Действительно, если правительство принимает решение о закрытии, скажем, студии порнографических фильмов или публичного дома, который в последнее время полюбился одиноким офицерам, это, выходит, служит достаточным основанием, чтобы на этот раз разогнать уже правительство, как «несоблюдающее права человека».

Создаются и Коллективные Силы по поддержанию мира, которые будут предотвращать и регулировать религиозные конфликты в любом из государств Содружества. Скажем, многонациональные силы, состоящие преимущественно из узбеков, таджиков и армян, направляются на урегулирование конфликта между православными и униатами. Предусматривается соглашением и возможность ввода военного положения на всей территории Содружества в случае угрозы агрессии хотя бы одному из государств-участников. Если Армении угрожает опасность со стороны Азербайджана, либо Таджикистану — со стороны Афганистана, военное положение вводится и на всей территории Беларуси (впрочем, и России тоже). Есть там множество и других любопытных положений, с которыми читатель при желании может ознакомиться самостоятельно.

Если бы Ельцин внимательно прочитал данный документ, то вряд ли бы его подписал, ибо армия России не безоговорочно на его стороне. Ну а считать, что соглашение будет ратифицировано ВС России может лишь только самый неисправимый чудак.

Итак, по мнению оппонентов, договор принимать нельзя: во-первых, хотя договор и соглашение являются разными документами, но содержательно они тесно увязаны друг с другом. Поэтому, сказав «А», придется говорить и «Б». Присоединившись к договору, надо будет принимать и соглашение, а один раз вступив на этот путь, сойти с него будет невозможно и начнется непрерывное втягивание Беларуси в конфликты на всей территории бывшего СССР. Во-вторых, сложно присоединиться к договору, который еще не вступил в силу (его ратифицировала лишь Армения). И в-третьих, не против России направлено наше нежелание присоединяться к договору, а против втягивания Беларуси в среднеазиатские и кавказские конфликты. С Россией же у нас есть соглашение о сотрудничестве в военной области, где обозначены почти союзнические взаимные обязательства. Может быть, именно поэтому «безобидный» в принципе договор встретил столь активное неприятие со стороны части депутатского корпуса.

Сторонники договора. Видение проблемы.

Чисто юридически договор о коллективной безопасности и Бишкекское соглашение представляют собой совершенно различные документы, и поэтому нет оснований говорить об их взаимоувязке. Подписание же договора о коллективной безопасности еще не втягивает Беларусь ни в военный блок, ни в межнациональные конфликты. С точки зрения стратегии, лишь предполагается, что Вооруженные Силы Беларуси не будут нацелены на Восток и тем самым исключается возможность использования ее территории в качестве плацдарма для нападения на Россию. При таком положении Россия может смело сотрудничать с Беларусью во всех военно-технических и экономических областях, не опасаясь, что сотрудничество может быть использовано против нее.

Не противоречит договор и стремлению Беларуси проводить политику нейтралитета. Наибольшая угроза нейтралитету, по мнению стран, исповедающих данную доктрину, является передача части собственного суверенитета в ведение «наднациональных органов», решения которых обязательны для государств-участников. Например, в Европейском Сообществе вырабатывается и обязательное для всех стран общее законодательство (Европейский Парламент), комиссия Европейского Сообщества ответственна за экономическую сферу деятельности стран ЕС, существуют и надгосударственные судебно-арбитражные органы. Коллективная же безопасность нацелена лишь на стремление к совместному решению вопросов безопасности, имеющих сегодня достаточно комплексный характер (экологическая безопасность, контроль за наркотиками и др.) и не может быть решена в рамках одного государства. В системе коллективной безопасности не существует жесткого наднационального механизма принятия решений, а предусматривается лишь координация деятельности в соответствующих областях. Следовательно, договор нейтралитету Беларуси не противоречит.

Министр иностранных дел: «позиция»

Может быть, не стоило останавливаться на выступлении П.Кравченко, но его попытка ввести депутатов в заблуждение не должна остаться незамеченной. Он предложил использовать опыт политического развития Финляндии как возможный образец для Беларуси и высказал мысль, что вступление в систему коллективной безопасности не будет противоречить стремлению проводить политику нейтралитета по финскому образцу. Действительно, Финляндия была связана с СССР договором 1948 года о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, и следовательно, «чисто» нейтральным государством являться не могла. Однако министру должно быть известным, что хоть Финляндия и была связана взаимными обязательствами с СССР, но в Организацию Варшавского договора, как многостороннюю систему коллективной обороны, не входила. У Беларуси же уже имеется ратифицированный парламентом договор с Россией о сотрудничестве в военной области, где политическая часть почти полностью идентична договору 1948 года Финляндии с СССР. Таким образом, мы и так уже достаточно «финляндизированы» (данный термин министр употребил достаточно неделикатно, ибо он имеет ярко выраженное пренебрежительное значение по отношению к финнам, введеное в оборот политологами более «самостоятельных» во внешней политике западных государств). П.Кравченко предложил, таким образом, пренебрежительно отзываться и о Беларуси. Финны, если бы слышали эту сентенцию руководителя внешнеполитического ведомства, отнеслись бы к ней, выражаясь дипломатическим языком, «с непониманием». Однако, у Финляндии было одно неоспоримое преимущество над Беларусью. Она имела дело с ответственным в международно-торговом плане Советским Союзом. Мы же имеем дело с Россией...

Сцена молчания

Система коллективной безопасности с участием и Беларуси, и Украины, и Казахстана, и России уже действует. Председателем Верховного Совета Беларуси в Киеве было подписано соглашение о полномочиях высших органов СНГ во вопросам обороны, в котором указывается, что Совет глав государств «определяет концепцию коллективной обороны» (Ст.2), а Совет глав правительств «осуществляет координацию военно-экономической деятельности Содружества» (Ст.1). Данное соглашение подписали год назад все участники СНГ. С.Шушкевич подписал его с оговоркой для Беларуси (2 года). Это срок, за который, как мыслилось, из Беларуси будет выведено ядерное оружие, после чего республика, в соответствии с Декларацией о суверенитете, станет нейтральным безъядерным государством. Таким образом, на сегодняшний день у нас есть и система коллективной безопасности, и военно-экономический союз, и иметь мы их будем до 20 марта 1994 года независимо от любых результатов референдума.

* * *

Мы видим, насколько запутанной оказалась ситуация в связи со спорами вокруг договора о коллективной безопасности. Однако, как представляется, на судьбу Беларуси он значительно не повлияет, какое бы решение не было принято на референдуме. Диктовать ход событий в ближайшее время будут не международные договоры и не благие намерения избирателей и политиков, а геополитические интересы или, точнее, инстинкты, которые сильнее воли народов и законов людей. Геополитический инстинкт — преображенная и обобщенная форма исконного, пространственного инстинкта, напрямую связанного с собственностью, с экономикой.

Вл.Соловьев когда-то говорил: «Кто фанатично преследует разномыслящего человека, у того совесть искажена». Искажена — значит больна. И лечить ее надо не шаманскими призывами и заклинаниями, а собственностью, экономическим развитием.

На снимке: российский солдат рисует двуглавого царского орла на стратегическом бомбардировщике ТУ-95МС.

ГЕОПОЛИТИКА

PRO I CONTRA

ВЛАДИМИР ГРИНЕВИЧ

С ПОЗИЦИИ ООН

Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали в докладе о проблемах о международной безопасности подчеркнул, что окончание "холодной войны" создало ситуацию, когда каждое государство обязано участвовать в укреплении стабильности в мире. Если Республика Беларусь остается верной взятым на себя обязательствам члена ООН, то было бы целесообразно в разрабатываемой концепции внешнеполитической деятельности недвусмысленно отметить, что основу своей безопасности от внешней военной угрозы мы видим именно в таком подходе — от обеспечения глобальной военной безопасности через региональную к безопасности на своих границах.

Но именно обратный путь восторжествовал на 11-й сессии Верховного Совета. По сути дела спор велся между двумя концепциями. Одна предполагает, что безопасность можно обеспечить своими силами, прикрывшись скорлупой вооруженного нейтралитета. Сторонники другой готовы, невзирая на нищету народа, рычать на весь цивилизованный мир из-под российского ядерного зонтика.

С.Шушкевич в интервью "Звяздзе" (15.IY) утверждает: "Аргументом сторонников присоединения Республики Беларусь к Договору является жесткая позиция России, которая, по их словам, имеет намерение брать плату в твердой валюте за комплектующие узлы, запчасти к боевой технике и вооружения. Выясняется, что ни о чем подобном российские руководители никому не говорили".

На самом же деле говорили. Председатель Верховного Совета Беларуси российскими руководителями считает, видимо, только тех, чьи подписи стоят под многочисленными соглашениями в рамках СНГ и двусторонними государственными договорами с Россией. Однако это только в цивилизованных странах государственное руководство, подписавшее международное соглашение, в силах обеспечить его выполнение. У нас другие традиции. Газета "7 дней" (3.IY) опубликовала интервью с постоянным представителем главнокомандующего ОВС СНГ генерал-майором Василием Волковым, в котором без обиняков дается понять, кто хозяин в России: "Если предположить, что в Беларусь прекратятся поставки запчастей, то через полгода ни одна боевая единица не будет двигаться. Я считаю, что для наших народов лучше бы иметь единые Вооруженные Силы. Пройдет эта эйфория суверенизации". Этот фактор наличия у России самостоятельной политической силы в лице генералитета должен, по всей видимости, быть одним из определяющих при оценке последствий тех или иных соглашений.

Скажем, все здравомыслящие люди Беларуси заинтересованы в притоке к нам американских капиталов, но здесь для этих капиталов масса угроз. Тех же самых угроз, которые снижают и нашу национальную безопасность — преступность, нестабильная политическая и экономическая ситуации, неэффективный контроль над военными и промышленными ядерными объектами. Поэтому как США, так и Беларусь в принципе заинтересованы в создании такой системы коллективной безопасности, которая бы отвечала общим интересам.

Аргументы сторонников военного союза с Россией наиболее развернуто представлены в статье доктора исторических наук А.Розанова "Беларусь и национальная безопасность" ("Советская Белоруссия", 8.IY). А.Розанов делает достаточно парадоксальный вывод о том, что "даже столь могущественное государство, как США, оставшееся по сути единственной сверхдержавой, не считает целесообразным поддерживать безопасность, опираясь только на собственные ресурсы". "Как же тогда поступать в постбиполярную эру государствам, не столь сильным в военном плане, как США?" — задает вопрос ученый.

Парадоксальность видится в том, что на самом деле перед США не стоит проблема обеспечения национальной безопасности собственными силами, этих сил у США более чем достаточно. Другое дело, что у США имеются интересы практически во всех регионах земли. И они переплетаются с интересами национальной безопасности того или иного государства. Причем эти интересы не обязательно противоречат друг другу, как об этом заявляют сторонники тоталитарных режимов.

Совершенно очевидно, что вопрос, поставленный А.Розановым, не вызывает каких-либо затруднений ни для Польши, ни для Чехии, ни для Словакии, ибо там давно уже нашли на него ответ — развивать демократию и интегрироваться в мировую экономическую систему, а безопасность обеспечивать совместно с другими цивилизованными странами. Правда консерваторы в НАТО не спешат принимать их в свою организацию, и их можно понять. Ведь процедура взвешенных решений в НАТО, основанная на консенсусе, может быть значительно осложнена новыми голосами. В этой связи, если следовать предложению С.Шушкевича обратиться с призывом к соседним странам, возможно, идея создания инициативной группы новых независимых государств, поддерживающих начинания Генерального секретаря ООН по формированию глобальной системы коллективной безопасности, быстрее найдет понимание и в странах Балтии, и в Восточной Европе.

Еще один парадоксальный вывод в статье А.Розанова: "Вероятно, наиболее перспективным начинанием было бы строительство "евроатлантической" системы коллективной безопасности — от Ванкувера до Владивостока, в рамках которой взаимодействовали бы, частично уравновешивая друг друга, структуры безопасности НАТО и СНГ. В этом ракурсе присоединение Беларуси к Договору о коллективной безопасности СНГ выглядит обоснованным и желательным".

Выходит, если структура безопасности СНГ не будет создана, то неуравновешенная структура НАТО не обеспечит безопасность? Но ведь даже недавняя история показывает, как эффективно может НАТО регулировать кризисы. Вспомним хотя бы конфликт между двумя членами НАТО — Грецией и Турцией из-за Кипра. И в то же время как контрастно выглядят действия стран Варшавского Договора в Чехословакии.

Хочется надеяться, что политика уравновешивания военной силы в Европе больше не будет применяться, к чему и призывает Бутрос Гали. А сторонникам военного уравновешивания можно предложить подумать вот над чем. Беларусь считается достаточно стабильным государством, хотя власть в нем удерживает, по выражению некоторых оппозиционеров, коммунистическая номенклатура. Так, может быть, для еще большей стабилизации положения в республике попробовать создать вооруженные силы под руководством политической оппозиции и посмотреть, как эти силы будут взаимодействовать с государственными?

С другой стороны, концепция вооруженного нейтралитета также не вписывается в развиваемую в ООН структуру глобальной коллективной безопасности. Эта концепция обеспечит безопасность республики в случае возникновения вооруженного конфликта. Региональный военный союз СНГ несет в себе опасность втягивания в вооруженный конфликт на этой территории, а военная мощь России балансирует на грани раскола общества и развязывания гражданской войны. Создание же военного союза в противовес НАТО вообще лишено всякого смысла. Необходимо содействовать созданию эффективной системы коллективной безопасности под эгидой ООН.

МИЧИКО КАКУТАНИ

THE NEW YORK TIMES

МРАЧНЫЕ ПРОГНОЗЫ БЖЕЗИНСКОГО

В то время как XX век устало бредет к своему завершению, уже образовался вал книг о веке будущем и окончании эры холодной войны. Только последние три месяца стали свидетелями выхода дерзкой книги Джона Лукача «Конец XX века и современной эпохи», долгожданного тома Пола Кеннеди «Готовясь к XXI столетию», а теперь вот и книги Збигнева Бжезинского «Неуправляемость»: Глобальный хаос накануне XXI века" ("Out of control: Global Turmoil on the Eve of the 21st Century").

Несмотря на важные события последнего десятилетия, среди которых окончание холодной войны, крушение коммунизма и освобождение Восточной Европы, основная идея г-на Бжезинского вторит его убеждениям, ясно сформулированным в воспоминаниях 1983 года о годах службы в качестве советника по национальной безопасности при президенте Джимми Картере. В той книге, названной «Власть и принцип», он уже предупреждал о том, что «главная угроза человечеству — это не гегемония Советов, а всеобщая анархия».

В новой книге г-н Бжезинский развивает эту точку зрения, откровенно излагая свои часто мрачные прогнозы миру времен после холодной войны. Хотя в этой книге ни разу не назван по имени Фрэнсис Фукуяма, значительное место в ней г-н Бжезинский отводит спорам с ним по поводу наблюдения, высказанного г-ном Фукуямой в работе «Конец истории и последний человек (»The End of History and the Last Man"): либеральная демократия неизбежно победит во всем мире.

«В посткоммунистическом мире, — пишет г-н Бжезинский, — сложности перехода к капитализму могут, вполне вероятно, пошатнуть притягательность демократической этики. В подобной обстановке может возникнуть искушение поискать убежище в более ограниченных и более крепко привязывающих верованиях, таких как этническая исключительность, ксенофобия или религия, возможно подпитанных разочарованием и презрением к »коррумпированному и эгоистичному Западу". «Трудности, которые испытывает Россия в настоящее время, — доказывает он, — создают опасно плодородную почву для »новой формы фашизма" — того фашизма, что заполнит пустоту черных дыр, оставленных в России большевизмом, создавая тем самым условия для принудительного порядка — если не принудительной утопии, — которые демократия и свободный рынок гарантировать не в состоянии".

Укоренись такой фашизм в России, продолжает г-н Бжезинский, и он «почти непременно распространится на часть бывших советских республик», «заразив наиболее нестабильные в политическом отношении части Центральной», а, возможно, и «ряд регионов Западной Европы».

По мнению г-на Бжезинского, один из моментов, отделяющих современную историю от прошлого, — это чрезвычайная быстрота коммуникаций, ставшая возможной благодаря телевидению, телефону и факсу. «Сегодня идеи почти мгновенно оказывают свое воздействие», — пишет он, а политические последствия этого усиливаются еще и благодаря постоянно распространяющейся грамотности и росту политического самосознания. В результате, — делает он вывод, — неравенство между богатыми и бедными, имущими и неимущими становится все более непереносимым, следствием чего является «зарождение страстей, ищущих эмоциональной разрядки в национализме, граничащем с иррациональностью, на которые так падок квазифашизм». Хотя он полагает, что Россия, возможно, захочет присвоить лидерство над угнетенными всего мира, более вероятного претендента на эту роль он видит в лице Китая, учитывая его экономический прогресс и тот факт, что он воплощает собой «все более и более привлекательную альтернативу для обеих систем: потерпевшей крах коммунистической и демократической, прозападного типа, основанной на свободном рынке».

Подобно Солженицыну, сетующему на духовное нездоровье Запада, г-н Бжезинский наиболее страстно восстает против зацикленности Америки «на материальном благосостоянии, потребительстве, все большем стремлении потакать своим желаниям, — непременным составляющим хорошей жизни».

Действительно, книга «Неуправляемость» оказывается философской в той же мере, как и политической. Так, доказывая, что тоталитаристское безумие Ленина и Гитлера было основано на попытке узурпировать роль Бога, то есть построить рай земной посредством контроля над условиями человеческой жизни, г-н Бжезинский продолжает утверждать, «что очевидный провал этой попытки породил на Западе современную антитезу, которая по сути своей сводится к минимальному контролю над желаниями коллектива и личности, их сексуальными пристрастиями и общественным поведением». «Короче, — добавляет он, — это столетие видело, как человечество бросало от экспериментов с принудительной утопией к пиру вседозволенности, от страстных объятий абсолютистских метамифов к беззаботной игре с релятивистским агностицизмом».

Конечно, эти пассажи выдают склонность автора к зловещему морализаторству, и скептически настроенный читатель может указать и на другие недостатки книги. Кардинальные проблемы, такие, как возможное усиление в Европе роли Германии в условиях вакуума власти, оставленного распадом СССР, обсуждаются лишь походя. Но несмотря на подобные упущения, книга заставляет думать и остается одной из самых читаемых.

ПАРАЛЛЕЛИ

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВ

"ПАРТИЯ ВЛАСТИ" НА УКРАИНЕ

СОЮЗ ПАРТНОМЕНКЛАТУРЫ И НАЦИОНАЛИСТОВ

Ещё недавно казалось, что эксперимент по построению «светлого будущего» в отдельно взятой стране, наконец, завершен, но по сути он продолжается. Правда, для этого пришлось взять страну «еще отдельнее». И декорации пришлось сменить: вместо построения коммунизма те же прорабы нынче озадачили народ построением национальной державы. А коль держава национальная, то и народ оказался разделенным на «самоопределяющуюся нацию» и «нацменьшинства». Раньше людей делили на группы по классовому признаку, а теперь происходит то же самое, но уже используется признак национальный. Правда, как показывает наш опыт, ни одна из групп при этом ничего не выигрывает, разумеется, кроме тех, кто это деление организует, направляет и вдохновляет.

1 декабря 1991 года замордованный посулами изобилия народ не подвел — сказал «да» на общеукраинском референдуме, не очень и понимая, за что голосует. Большинство поверило миллионам листовок, которыми была оклеена вся Украина. Листовки были разнообразны. Но большинству народа были безразличны рыдания о «насильственной русификации», а ветеринарные рассуждения о чистоте крови увлекли лишь забывших о судьбе третьего рейха. Основную убеждающую силу имели листовки экономические, разъяснявшие народу, что «Украина производит на душу населения в год пшеницы 1000 кг, мяса 86 кг, сахара 118 кг, а потребляет 140, 68 и 49,7 кг соответственно». Казалось бы, грабеж. Но при этом старательно умалчивалось, что нефти Украина потребляет в 20 раз больше, чем добывает, газа импортирует 80%, хлопок ввозит весь... Нормальное разделение труда мог счесть ущемлением интересов республики лишь человек, не знакомый с азами экономики. Впрочем, именно в расчете на это и строилась подобная агитация.

А ныне Украина пожинает плоды. В составе СССР, когда, по мнению националистов, ее держали за колонию, Украина по уровню жизни занимала второе после Прибалтики место. Сейчас же, когда она независимая держава и никто ее не грабит, впереди оказались все республики, кроме Кыргызстана и Армении.

Причины сегодняшнего бедственного положения Украины (да и других стран СНГ) произрастают из Беловежского сговора 1991 года. Вместо цивилизованной трансформации СССР в качественно новый военно-политический, экономический, культурный союз независимых государств народы получили раздел СССР между республиканскими бюрократами. Это была фактическая «прихватизация» Союза ССР, субъектами которой, по крайней мере на Украине, выступила часть старой партгосноменклатуры, срочно перекрасившаяся в цвета национального флага, в блоке с лидерами тех партий и движений, которые гордо именовали себя национал-демократами. Сложилась так называемая «партия власти» — альянс продвинутых партаппаратчиков и лидеров антикоммунистического и националистического движений. Представителями номенклатуры укомплектован аппарат Президента (бывшего секретаря ЦК КПУ) в столице и на местах, они же составляют значительную часть правительственных, властных структур в областях, городах, районах. Идеологическое обеспечение деятельности государственных структур взяли на себя националисты. Именно в их руках находятся рычаги управления культурой, наукой, религиозной сферой, в значительной мере - средствами массовой информации. Почти в каждой области, каждом районе первыми заместителями представителей Президента назначены комиссары от Руха или Конгресса национально-демократических сил. Эти группировки называют себя «демократическими», но в программах своих, и особенно в конкретной практической деятельности, они проявляются как организации ярко выраженной националистической окраски. Это — «национал-державники», ставящие превыше всего интересы нации (точнее, ее «национально сознательной» части), имеющие целью ускоренное построение любой ценой самостийной украинской державы, враждебной по отношению к России. Лидеры национал-державников гордо заявляют, что правительство сейчас осуществляет экономическую программу Руха. Что это за программа, народ уже почувствовал на себе: границы, таможни, замороженные зарплаты, дикий рост цен, гиперинфляция карбованца, падение жизненного уровня. Для отвлечения внимания от развала экономики раздувается антикоммунистическая истерия. Особенно в ней усердствуют, стремясь искупить свои прошлые коммунистические грехи, «танцоры на гробах» — бывшие секретари райкомов, горкомов, ЦК, партийные поэты, сделавшие себе имя на воспевании партии, комсомола, Ленина, вековой дружбы народов. Небезуспешно внедряется в общественное сознание формула: «Кто против националистов, тот против Украины, поскольку лишь они могут выражать ее интересы». В принципе ничего нового в этом нет: противники Сталина объявлялись «врагами народа», а диссиденты 70-х — предателями Родины. Национал-державники стараются внушить, что те, кто выступает против возведения заборов между народами, являются сторонниками реставрации прежнего общественного строя. Старательно замалчивается, что, кроме Советского Союза, могут быть и другие формы объединения народов, например, Евразийский Союз, основные принципы которого были предложены академиком Андреем Сахаровым. Но Сахаров на Украине нынче не в почете...

Прост ли альянс партгосноменклатуры и национал-державников? В любом случае — это союз пауков в банке. Каждая сторона стремится как можно больше получить от своего соратника-союзника и как можно меньше дать ему. Номенклатуре нужна новая идеология — национализм, и поэтому она принимает в свои ряды его носителей. Те же, внедряясь в государственные структуры, ждут удобного момента, чтобы перехватить штурвал. Обе эти группировки активно противодействуют становлению т.н. «третьей силы» — политических организаций центристской ориентации, отражающих как классовые приоритеты, так и национальные. В частности, возникший в прошлом году Гражданский Конгресс Украины в своей деятельности исходит из приоритета прав человека перед правами любых объединений — по классовому, национальному, религиозному и т.п. признакам. Подобные процессы страшат национал-державников: в этом случае бороться с противником, навешивая на него коммунистические ярлыки, становится затруднительным, хотя этим приемом они пока пользуются, рассчитывая на неосведомленность населения.

Другая опасность для партократо-националистического блока исходит из Верховного Совета. Расстановка сил в нем сейчас такова: около 100 депутатов — национал-державники, входящие в блок «Народная Рада», примерно 250 депутатов — неоформленное пока большинство, непримиримые самостийность любой ценой, еще около 80 депутатов — колеблющиеся, случайные люди. Идет процесс оформления парламентского большинства, и это страшит националистов. Поэтому ими взят курс на роспуск Верховного Совета и установление на Украине прямого президентского правления. Деятельность Верховного Совета фактически блокируется Народной Радой с целью его окончательной дискредитации в глазах граждан Украины. В качестве повода используются обвинения в том, что депутаты якобы стремятся избрать прокоммунистический конституционный суд и внести на рассмотрение сессии вопрос об отмене запрета на КПУ. Это всего лишь повод: не было бы этих вопросов, Народная Рада нашла бы другие, и блокирование все равно состоялось бы. Расчет здесь прост: в случае роспуска Верховного Совета, в котором националисты не имеют большинства, на Украине неизбежно установится президентское правление. Новые выборы проблематичны из-за пассивности избирателей, отсутствия новой конституции и нового закона о выборах. Прямое президентское правление устраивает одно крыло национал-державников, которое надеется окончательно подчинить себе номенклатуру во главе с Л.Кравчуком. Другое же крыло, в первую очередь команда В.Чорновила, уверено, что Л.Кравчук без «козла отпущения» в лице Верховного Совета не продержится более полугода, поскольку вся полнота ответственности неизбежно ляжет на его команду. Достаточно вспомнить, что фактический развал экономики вплотную подвел общество к грани, за которой — неуправляемый социальный взрыв. При сохранении нынешней тенденции социально-экономического развития он может произойти не позднее зимы-весны 1994 г.

В этом случае появляется возможность убрать скомпрометировавшего себя президента и заменить его своим человеком, который железной рукой наведет порядок. Но, по мнению ряда наблюдателей, Л.Кравчук сейчас старается не допустить прямого президентского правления и предпочитает лавировать между противоборствующими политическими силами. Поэтому можно надеяться, что Верховный Совет сохранится. При всех недостатках он представляет собой все-таки наименьшее зло. Роспуск же Верховного Совета сейчас означает практически неизбежную серию диктатур, не исключая национал-фашистской.

Много ли граждан Украины поддерживают национал-державников? Если взять в качестве модели Харьков, крупнейший промышленный центр, бывшую столицу Украины (такая же ситуация в большинстве областей востока и юга Украины), то мы увидим, что все организации националистического толка насчитывают не более 1,5 тысяч членов. И это на 3,5 миллиона населения области! Но они крикливы, агрессивны, организованы, хорошо финансируются из-за рубежа, из Киева, местными спонсорами. И, что очень важно, пользуются поддержкой и покровительством властных структур — лобби в областных и городских советах, в госадминистрации. Правоохранительные органы избегают реагировать даже на откровенно вызывающие действия националистов. Достаточно вспомнить, что нападение отряда штурмовиков из т.н. Украинской народной самообороны (УНСО) на Харьковский горсовет осталось без последствий. Позицию правоохранительных органов понять можно: во-первых, сразу мчатся выручать «своих» депутаты, во-вторых, милиция и прокуратура вынуждены действовать с оглядкой на Киев, а тамошнее руководство «укорот» националистам, мягко говоря, не поощряет.

На Украине сейчас партократо-националистический альянс выражает интересы меньшинства населения. Но в руках этого альянса государственная машина, средства воздействия на массовое сознание. Из-за слабости оппозиционных партий, организационной неоформленности молчаливого большинства в Верховном и местных советах инициатива находится в руках «партии власти».

Иногда приходится слышать: Европа построила национальные государства и лишь потом пришла к объединению. Но в XVIII—XIX веках независимость способствовала становлению национальных экономик, в первой половине XX века она мешала этому. Но сейчас, в век новых технологий, в стоимости товара львиную долю составляет не цена сырья и не затраты на рабочую силу, а расходы на разработку. Сейчас разработка высокоэкономичного товара рентабельнее для рынка не менее чем в 300 млн. человек. Именно это обстоятельство и вызвало к жизни маастрихтский процесс в Европе. Мы же воздвигли заборы, разрушили тот самый рынок, который возник задолго до 1917 года. И, кстати, имеющий как раз нужный размер. Уничтожить его — значит обречь себя на деградацию и отстать навсегда.

Немаловажно и то, что национал-державники, которые воспользовались моментом для навязывания обществу своих целей и ценностей, объективно создают предпосылки для усиления организаций коммунистической ориентации: чем сильнее разрушение экономики, тем активнее проявляется у населения ностальгия по прежним временам.

И все-таки будущее за теми политическими силами, которые видят пути преобразования нашего общества в изменении социально-экономического уклада, а не в разрушении веками складывавшейся исторической общности народов.

Харьков

АЛЕКСАНДР СТУПНИКОВ

КОМУ НА СВЕТЕ ЖИТЬ ХОРОШО?

Еще недавно почему-то считалось, что лучше всех в Европе живут шведы и вообще скандинавы. Из больших государств — Германия. Что касается проблем, то, судя по сообщениям советских журналистов, классовые бои и социальные потрясения расшатывали, в основном, Великобританию, Италию, Испанию и Францию. Журналисты остались те же, но теперь они больше пишут о выставках, показах мод и бизнес-ярмарках, где приехавшие из бывшего СССР деловые соотечественники могут отстегнуть валюты и накормить «на халяву» за сюжетик по ТВ.

Несмотря на ново-старые ухищрения постсоветских информаторов, за небольшим исключением, жизнь на Западе все-таки по-прежнему разная. Там просто никому не придет в голову разделять информацию на негативную и позитивную. Она такая какая есть.

Больше всего на жизнь жалуются французы. То рыбаки начинают лупить коллег из Англии, чтобы те не везли свою рыбу во Францию. То фермеры блокируют британские машины с шотландскими овцами. И безработица у них растет, и инфляция.

А, между тем, сегодня французы — одна из самых благополучных наций. У них пять недель оплачиваемого отпуска и 14 месячных зарплат за год. В США в первый год вы вряд ли получите отпуск больше, чем неделю, и всего две-три недели потом. Но дело не в этом. Французы ухитрились добиться значительной помощи от государства. Если у них в семье трое детей, то правительство платит семье 263 доллара, за четверых — 418. Школьникам для двухнедельного катания на коньках и лыжах в Альпах подкидывают по 60 долларов. Плата за учебу в университете обходится всего в 285 долларов в год.

Если из-за экономических трудностей производство приостанавливается, то рабочие получают 60% зарплаты до пяти лет. А если французу не повезло и он умер, то государство дает более шести тысяч долларов на достойные похороны.

Во время недавно проведенного опроса около семидесяти процентов французов согласились с тем, что у них в стране одна из лучших в мире систем социального обеспечения. Понятно, что все это не валится с неба. Но факт остается фактом: пока американцы или англичане урезали социальные программы, французы выделяли средства на общественные праздники. Спохватились только тогда, когда выяснилось, что французские рабочие во многом отстают от рабочих той же Германии или США. Безработица выросла и перешагнула рубеж 10 процентов. Социалисты стали нехорошими, живущими не по средствам, и власть в стране переменилась. Что, впрочем, нормально для страны, где коммунисты не называют себя демократами, а демократы не питают ненависти к коммунистам.

Почему же все-таки французам так хорошо? На все социальные радости жизни у них придерживали до 20% от заработной платы. Только на медицинскую страховку уходило до 6%, а дополнительные 20% на эти же цели доплачивал работодатель. При средней годовой зарплате в 30 тысяч долларов почти 8 тысяч уходило на медстраховку. А рабочий с минимальной зарплатой обходился работодателю в 20 тысяч долларов годовых.

Значит, выгодно иметь рабочие места в третьих странах, где себестоимость рабочей силы дешевая и не надо выплачивать бешеные налоги в казну на социальные программы. Дело дошло до того, что, по сообщению западной прессы, французская армия не закупает военную униформу во Франции, а заказывает ее за границей. Там, где она обходится дешевле. Французские акулы легкой промышленности подсчитали, что вместо одного французского рабочего можно нанять 9 марокканцев, 25 таиландцев, 35 китайцев, 65 русских (или белорусов) или 70 вьетнамцев. При таком раскладе не удивительно, что богатые страны тоже плачут, сталкиваясь с проблемой занятости неселения. Своим платить жалко, но, если не платить, там молчать не будут. Относительно частые конституционные перевыборы правительства позволяют трудящимся выжимать не только обещания.

Любимица советских людей Маргарет Тэтчер, которую на ее родине в конце восьмидесятых, мягко говоря, не обожали, ввела новый муниципальный налог. Он должен был помочь финансировать коммунальные службы районов и соцобеспечение. «И бюрократов», — добавляли англичане. Причем, оказалось, что в богатых районах, где и людей и уборки поменьше, этот налог оказался в два раза меньше, чем в средних и бедных. Больше половины населения молча послали Тэтчер подальше, а когда отказывавшихся платить потащили в суды, прес-

А это всего лишь Париж...

Фото Ю. ИВАНОВА

са, поскольку она выражает интересы общественности, а не власти, все это соответственно освещала. Затем молодежь, в основном, левая сожгла пару полицейских машин в стычках на Трафальгарской площади. Тэтчер, дабы не провалить грядущие выборы, тихо «ушли» в отставку, а налог отменили как непродуманный. Что стало с деньгами тех, кто законопослушно его выплатил, не знаю, поскольку и без того, выплачивая пятую часть зарплаты на налоги, свой счет и тем более пару угрожающих бумажек спустил туда же, куда и Тэтчер пешком ходит. Консерваторы тогда по инерции выборы выиграли. Но вот, по последним опросам населения, в Великобритании сегодня при выборах большинство голосов получили бы лейбористы. Впрочем, англичанам французские социальные льготы и не снятся. Хотя один мой знакомый, женившийся на датчанке и живущий в Копенгагене, рассказывал, что у них большая, оплачиваемая государством съемная квартира, бесплатная медицина и пособие, «достаточное, чтобы жить по-человечески». Но в обществе потребления только потребителей не уважают и сидящий на дармовом в приличный круг не войдет. «Поэтому, — говорил приятель, — хочется еще и жить человеком».

А во Франции новое прави[illegible]ство обсуждает, с какой стороны п[illegible]ступиться к экономике. И не потому что [illegible]от, а просто любые реформы долж[illegible] будут затронуть жизненный уровень [illegible]лей, их социальные льготы и привилеги[illegible] [illegible]б этом даже боятся намекнуть», — по[illegible]вал один из французских политиков.

Вот где может пригодиться опыт Советского Союза.

РИЧАРД В. СТИВЕНСОН

THE NEW YORK TIMES

ШВЕЦИЯ УРЕЗАЕТ ЛЬГОТЫ

Как и большинство шведов, Карин Лизана всю жизнь работала, зная, что платит самые высокие в мире налоги, но взамен получит наилучшее медицинское обслуживание, образование и другие социальные блага, которые только может дать промышленно развитое демократическое общество. А учитывая замечательные достижения страны в области повышения жизненного уровня и благосостояния людей, она считала, что экономика Швеции всегда будет на подъеме.

Теперь, когда экономика переживает трудности, а политический курс сместился вправо, чаша весов шведской системы социального обеспечения быстро пошла вниз, и такие, как г-жа Лизана, оказались в необычной для них обстановке неопределенности.

Три месяца назад эта 50-летняя секретарша потеряла работу в компании, занимающейся вопросами окружающей среды, и пополнила растущую армию безработных в стране, история которой практически не знала безработицы. В Швеции проживает 8,5 миллиона человек, и теперь, когда пособия по безработице сокращаются, г-жа Лизана с глубокой тревогой смотрит на встающие перед ней проблемы.

«Сейчас ситуация в Швеции изменилась, и в моем возрасте привыкнуть к этому не так-то просто, — сказала г-жа Лизана. — У нас нет больше той уверенности, с которой мы жили долгие годы». Сокращение социальных программ в обществе, всегда гордившемся своей стабильностью и порядком, находится в центре радикальных перемен.

Эти перемены отражаются в неопределенном состоянии шведской политики. Правящая право-центристская коалиция, возможно, будет вынуждена провести всеобщие выборы уже этой весной (впервые с 1958 года правительство может досрочно уйти в отставку), и почти наверняка голосование превратится в референдум, на котором будет стоять вопрос: в какой мере шведы способны изменить свои жизненные льготы?

«Образно говоря, Швеция медленно освобождается от иллюзий, что она имеет строй, защищающий нас от проблем, — сказал Ян О.Берг, директор SIFO Research, крупнейшего концерна страны по изучению общественного мнения. — Мы действительно не знаем, где находимся и куда идем».

Будучи больше не в состоянии обеспечивать систему, с 1930 года считавшуюся образцом сосуществования социалистической внутренней политики и капитализма, пришедшее 1,5 года назад к власти правительство во главе с консерваторами начало сокращать расходы. Помимо сокращения пособий по безработице, правительство снизило выплаты рабочим, получившим производственную травму, а также увеличило с 65 до 66 лет возраст для граждан, желающих получать пенсию в полном объеме. Частичная пенсия, полагавшаяся ранее по достижении 60 лет, предоставляется теперь с 62 лет. Правительство урезало субсидии на строительство, и также дотации на расходы студентам университетов.

Планируется сократить программу, гарантирующую родителям, у которых родился первый ребенок, сохранение 90% зарплаты в течение года, если они сидят с ребенком. Кроме того, правительство стремится переложить часть своих расходов по медицинскому страхованию и безработице на работающих.

Правительство консерваторов, убежденное в том, что старая система избаловала шведов, постепенно лишило их стимула интенсивно работать и пересматривает программы, чтобы теперь, например, нельзя было получать денег больше, оставаясь дома на больничном, чем выходя на работу.

«Мы должны иметь такую систему, которую наверняка можем обеспечить, — сказал премьер-министр Карл Бильдт. — А наш уровень льгот стал столь высоким, что это повлекло снижение стимулов к труду. Неспособность увязать наши расходы и налоги с расходами и налогами в других промышленных странах в эпоху острой всеобщей конкуренции может иметь серьезные экономические последствия».

После десятилетней государственной монополии на здравоохранение, заботу о детях, образование и другие услуги коалиция г-на Бильдта поощряет занимающиеся аналогичной деятельностью частные фирмы, стремясь улучшить качество, сократить затраты и ослабить роль государства, которое, по мнению многих шведов, стало слишком всепроникающим и бюрократическим. Так, например, частные врачи и клиники сегодня вполне могут конкурировать с государственной системой здравоохранения.

«Сегодня трудно всем», — сказал Тони Йондам, два года назад потерявший работу на пивоваренном заводе; сейчас в рамках финансируемой правительством программы он получает в Стокгольме специальность повара. Подобно многим, он считает, что при старом социал-демократическом правительстве было лучше.

По результатам недавнего опроса общественного мнения, социал-демократов поддерживает 50% населения, по сравнению с 28% во время последних выборов, и они на 20% опережают правящую коалицию.

Эти перемены происходят в тот момент, когда почти все экономические и политические концепции Швеции подвергаются пересмотру. После долгих лет стабильного экономического роста страна переживает глубокий спад. За последние 2 года безработица увеличилась без малого на 6% — или почти вдвое, если считать людей, проходящих профессиональную переориентацию, — и продолжает расти.

Коалиционное правительство Бильдта пришло к власти после выборов в сентябре 1991 года, оттеснив социал-демократов, правивших страной в течение 53 из 60 предыдущих лет. При социал-демократах расходы на программы по социальному обеспечению выросли больше, чем в любой промышленно развитой стране, достигнув 70% от общего объема национального производства, по сравнению с 44% в 1970 году.

В последнее время в средствах массовой информации появляются материалы, содержащие довольно противоречивые сведения о предстоящем первом съезде белорусов мира. Одни авторы поддерживают и приветствуют это мероприятие, другие высказывают настороженное, а то и отрицательное отношение.

Наш корреспондент беседует с заместителем председателя Объединения белорусов мира «Батьковщина» Леонидом Козыро.

— Леонид Алексеевич, организация «Батьковщина» является главным инициатором созыва съезда белорусов. Скажите, пожалуйста, так состоится съезд или нет?

БУДЕТ СЪЕЗД БЕЛОРУСОВ МИРА

— Первый съезд белорусов мира, как и было объявлено, состоится 8—10 июля в Минске в здании театра оперы и балета.

— А чем, на ваш взгляд, вызвано появление столь неоднозначных публикаций?

— Мне думается, что у истоков всех кривотолков лежит стремление определенных сил воспользоваться некоторой несогласованностью действий белорусских патриотических организаций. Напомню, что в феврале этого года Сойм Белорусского Народного Фронта выступил с заявлением о неучастии этой политической организации в съезде. Чуть позже о такой же позиции заявила и Белорусская Социал-Демократическая Грамада. Эти решения, как мне представляется, не были продиктованы сколько-нибудь отрицательным отношением Народного Фронта и Грамады к нашей организации «Батьковщина», ни тем более к самой идее созыва съезда белорусов. Скорее всего, это была конкретная реакция на ту политическую ситуацию, которая формировалась под знаком запрета общереспубликанского референдума и реанимации прокоммунистических структур. Между тем, как и следовало ожидать, «заинтересованные» лица, не скрывая энтузиазма, стали посвоему интерпретировать эти заявления. И пошли сведения о какой-то «войне» между БНФ и «Батьковщиной», пошли статьи о несвоевременности и ненужности съезда. Но механизм подготовки всебелорусского форума, запущенный летом прошлого года, в том числе и при участии представителей БНФ, уже набрал такие обороты, что остановить его невозможно, даже если кое-кто этого очень пожелал. В этом мы еще раз убедились, проведя соответствующие консультации с нашими соотечественниками из ближнего и дальнего зарубежья.

— И все же, создается впечатление, что определенный ущерб подготовке съезда решения БНФ и БСДГ нанесли.

— С таким выводом, пожалуй, нельзя не согласится. В особенности если учесть, что ситуацией воспользовались люди, весьма далекие как от БНФ, так и от «Батьковщины». В известном смысле это был залп по своим.

— Так как же будет проходить съезд?

— Мы предполагаем, что в его работе примет участие около тысячи делегатов. День открытия планируем посвятить пленарным заседаниям, в ходе которых будут заслушаны доклады и выступления ученых, политиков, общественных деятелей, в том числе, конечно, и представителей диаспоры по вопросам истории, современного состояния и перспективам развития белорусов как этноса. На следующий день будут работать «круглые столы» с конкретной проблематикой (экономика Беларуси, культура, экология, проблемы диаспоры и т.д.). В заключительный день участники съезда вновь соберутся вместе для того, чтобы подвести итоги своей работы, определить тенденции общебелорусского национального движения и избрать необходимые органы Объединения белорусов мира «Батьковщина».

Фото Е. Коктыша

— Не будет ли все это напоминать «старые добрые времена»? Помпезность, идеологически выдержанные речи, клятвенные заверения...

— Меньше всего мы бы хотели, чтобы наш съезд превратился в некое помпезное шоу. Мы ожидаем, что пойдет заинтересованный, деловой разговор о нашей матери-Беларуси, о долге перед ней, о судьбах ее детей, разбросанных по всему свету, о консолидации белорусов. Вместе с тем мы понимаем, что для многих участников съезд — это еще и встреча с Родиной, быть может, после многолетней разлуки, возможность увидеться с родственниками и друзьями, побывать в родных местах, установить деловые контакты... Во всем этом мы поможем нашим гостям. Вечером 8 июля для делегатов съезда будет дан большой концерт. Тех наших гостей, которые приедут в Минск немножко раньше, 5—7 июля мы пригласим на встречи с земляками в Несвиже, Столбцах и Новогрудке. Детей соберем на озере Нарочь...

— Участниками съезда будут только белорусы?

— Мы приглашаем и представителей других народов, которые душой вместе с нами, делом и словом своим помогают нам. Это, к примеру, американский священник Пол Мур, английская переводчица белорусской поэзии Вера Рич, швейцарская исследовательница Моника Баньковска, австрийский литературовед Фердинанд Нойрайтер, французский специалист по старобелорусской музыке и культуре Гай де Пикарда и многие другие.

— Наша газета желает успеха съезду!

— Благодарю и надеюсь, что он действительно будет.

Валерий Карбалевич

ЭТО МЫ УЖЕ ПРОХОДИЛИ

Иван Макалович в «Народнай газеце» (23.04) пишет, что «национальная идея» — самая благородная и самая сильная... В мире пока не найдено более сплачивающей и зовущей вперед идеи". Автора не смущает, что совсем недавно приблизительно такими же словами у нас характеризовали социалистическую идею. Увы, наш доморощенный мыслитель не понимает простейшего: сама постановка вопроса об иерархии идей, делении их на «хорошие» и «плохие» есть крайнее упрощение. Любая консолидирующая народ идея может играть как прогрессивную, так и реакционную роль в зависимости от множества исторических факторов. Возьмем ту же социалистическую идею. В XIX в., на начальном этапе индустриального общества, она имела прогрессивное значение, т.к. обратила внимание общественной мысли, государства на необходимость социальной защиты нарождающегося пролетариата, побудила предпринимателей нести социальные издержки, искать пути повышения эффективности производства не за счет усиления эксплуатации, а с помощью научно-технического прогресса. Но став государственной идеологией в коммунистическо-большевистском варианте, эта идея закономерно привела к ГУЛАГУ.

Сегодня много говорят о важном значении религии для нормального развития общества. С этим нужно согласиться. Однако, даже не вспоминая о кострах инквизиции, об исламском фундаментализме, нельзя не видеть агрессивного поведения верующих у нас, при захвате и дележке бывших храмов.

То же самое можно сказать и о национальной идее. В периоды подъема национально-освободительного движения, борьбы за независимость, национальное возрождение эта идея, безусловно, является символом прогресса. Но, одновременно, доведение ее до логического конца может привести к межнациональной вражде, этнофашизму, апартеиду и т.д. Примеров множество: фашистская Германия, ЮАР, межнациональные войны в Югославии, Нагорном Карабахе, Грузии и пр.

Не будем забывать: все ведущие западные страны достигли нынешних высот благодаря не национальной, а либеральной идее. Вообще необходимо осознать, что в природе не бывает абсолютного зла и абсолютного добра. Все находится в пропорции, в диалектическом взаимодействии. И, с другой стороны, если какая-то идея объявляется «самой благородной и самой сильной», «сплачивающей и зовущей вперед», то естественно и логично, что партия, которая руководствуется ею, должна получить статус «руководящей и направляющей силы» со всеми вытекающими отсюда последствиями для общества. Все это мы уже проходили. Как и призывы сплачиваться всему народу вокруг новой «самой-самой...» идеи. Только в условиях плюрализма идей, их свободной конкуренции возможно нормальное функционирование и прогрессивное развитие общества.

"СВЯТАЯ ВОЙНА"

Сначала все это было объявлено религиозной церемонией. Подготовкой земельного участка к строительству будущего храма богу Раме, занимающему важное место в пантеоне индуизма. Событие должно было происходить в городе Айотха на севере Индии. Кстати, само название города означает «место, где нет места войне». Сначала толпа в двадцать тысяч человек веселилась и праздновала. Мужчины в традиционных индуистских одеждах скандировали молитвы и священные тексты. Да здравствует Рама! — кричали прохожие. Однако настроение толпы стало резко меняться после того как отряды полиции сгруппировались в пустой мусульманской мечети неподалеку от места празднества.

Неожиданно один из подростков вскарабкался на помост, затем на одну из башен мечети и начал рубить ее железным прутом. Толпа подалась вперед. Полиция благоразумно ретировалась. К концу дня толпа превратила мечеть в груду развалин. Началась самая кровопролитная со времен провозглашения независимости Индии религиозная борьба.

Беспорядки, то возгораясь, то затихая, продолжаются уже несколько месяцев. Во многих городах страны усиленные отряды полиции и армии контролируют улицы и ключевые пункты. В 1947 году, когда Великобритания разделила свою бывшую колонию на светскую Индию и исламский Пакистан, также разразился кровавый межнациональный конфликт. Сотни тысяч людей, мусульман и индусов, были изгнаны из своих мест. Разрушение мечети вывело на улицы десятки тысяч мусульман, возмущенных происшедшим. Поскольку полиция состоит в основном из индуистов, то подавление беспорядков превращалось в побоище. Там, где была возможность, мусульмане платили той же монетой. В Пакистане и в Бангладеш толпы фанатиков разрушали индуистские храмы, магазины индийских бизнесменов и дипломатические офисы. В самой Индии только за две недели было убито более тысячи человек, в основном мусульман. Причем убиты эти люди были не в религиозных столкновениях, а полицией, применявшей против толпы оружие.

«То, что произошло в Айотхе и других городах, сравнимо только с убийством Махатмы Ганди», — заявил Сайфуддин Соз, мусульманин, член парламента страны от штата Кашмир. А в Индии, между прочим, 120 миллионов мусульман...

Столкновения индуистских фанатиков и мусульман происходили и раньше. Основатели индийского государства предвидели, что религиозные различия и нетерпимость обеих сторон грозят разорвать страну на части. Но они полагали, что после достижения независимости удастся до-

NATION

ОЛЬГЕРЦ ДЗЕНИТИС, математик, один из основателей Движения за национальную независимость Латвии

UNCAPTIVE MINDS

ЛАТВИЯ: НЕЗАВИСИМОЕ ГОСУДАРСТВО?

Для Латвии политика русификации была равносильной геноциду. Латыши подвергались депортации, насильственной эмиграции с полной экспроприацией имущества. Их страна была заселена тысячами переселенцев из Советского Союза. Их культура и общество оказались втиснуты в рамки советской морали. В результате этой политики лишились жизни около 386 000 латышей. Может быть, эта цифра не слишком впечатляет по сравнению с другими примерами резни и геноцида в двадцатом веке, но в процентном отношении к населению Латвии она огромна. Сопоставимые людские потери составили бы для Соединенных Штатов 50 миллионов человек и 11 миллионов — для Великобритании.

Результаты советской политики в Латвии становятся еще более наглядными, если рассматривать процентное количество этнических латышей в общем населении за последние 70 лет: 1920 г. — 72,8; 1940 г. — 77, 1959 г. — 62, 1970 г. — 56,8, 1979 г. — 53,7, 1990 г. — 52.

Эти данные не учитывают наличие 180 000 военнослужащих в составе развернутых в Латвии советских войск и примерно 150 000 иммигрантов. Точное число этих двух категорий латвийских жителей не известно, но полагают, что они составляют 5—7% всего населения. Еще одним индикатором демографического кризиса может служить процентная доля этнических латышей среди учащихся средних учебных заведений в семи крупных городах Латвии: Рига — 33, Даугавпилс — 6, Лиепая — 33, Елгава — 44, Вентспилс — 39, Юрмала — 43, Резекне — 27.

Эти цифры ясно говорят, что в настоящее время латыши составляют менее половины всего населения страны. Латыши стали меньшинством на своей собственной земле, что является беспрецедентным фактом в европейской истории XX века.

Сегодня в Латвии проживает около 1 миллиона переселенцев. Эта политика явилась явным нарушением четвертой Женевской конвенции, в которой говорится, что оккупирующая держава не должна депортировать или перемещать гражданское население. Советские переселенцы также грубо нарушили Гаагскую конвенцию 1907 года, поскольку многие из них принимали участие в самых разных зверствах, чинимых против латвийского народа. Большое число переселенцев, особенно живущих в Риге, происходят из наиболее реакционных слоев советского общества: бывших армейских офицеров, милицейских чинов, а также ушедших на пенсию комендантов и охранников тюрем и трудовых лагерей. Только в одной Риге проживает около 50 000 отставных офицеров; они и их иждивенцы, всего около 200 000 человек, составляют четверть населения столицы. Переселенцы по-прежнему пользуются предоставленными советскими властями привилегиями, большинство из них враждебно настроено ко всему латышскому. Сегодня они могут претендовать как на статус меньшинства, так и на гражданство республики Латвия.

Праздничное шествие в Риге. 1960 г. *Фото В. Одиньша*

Формально Латвия обрела независимость 21 августа 1991 года, после более чем 51 года советской и германской оккупации. В действительности же она остается оккупированной и колонизированной страной. Правительство не имеет свободы действий и не получит ее до тех пор, пока все советские войска не покинут Латвию. В их присутствии латвийский парламент испытывает военное и политическое давление, направленное на принятие им благоприятного для переселенцев законодательства.

Между тем Запад остро воспринял утверждения об угрозе, нависшей над правами меньшинств и «бедных мигрантов». Госсекретарь Джеймс Бейкер во время своей недолгой поездки по странам Балтии в сентябре 1991 года говорил о свободе, демократии, правах человека и принципах построения свободной рыночной экономики. Мы, латыши, пользуемся этими терминами несколько осторожнее, даже с недоверием. Игнорируя реальную ситуацию в Латвии, господин Бейкер дал ясно понять, что выступает за предоставление советским переселенцам прав, аналогичных правам латвийских граждан, оказав тем самым давление на Верховный Совет. Его безнравственные действия сравнимы с решением президента Рузвельта оставить Прибалтику Сталину, принятым на Тегеранской конференции в 1943 году.

Посмотрим, к каким последствиям может привести «демократия», проповедуемая подобными господину Бейкеру западниками. Немногие латыши принимают участие в экономике черного рынка и поэтому не имеют капиталов. Если приватизация государственной собственности будет происходить в соответствии с «демократическими» принципами, большая часть латвийской промышленности перейдет в собственность нелатышей. И вообще, «демократические» процедуры приведут к искоренению латышской нации.

Короче говоря, для латышского народа самый главный вопрос — демографический. Политическое, экономическое, культурное и социальное будущее нации в опасности. Мы должны восстановить демографический баланс, потребовав вывода всех оккупационных войск и возвращения всех переселенцев и их потомков на этническую родину.

От редакции: Как не понять тревогу и боль автора этой статьи и его единомышленников? Но нельзя не видеть и другого: О.Дзенитис уходит от сложностей исторического процесса, пытается разрубить сложнейший узел одним махом. А рубка эта порождает новые — действительно грозные для будущего Латвии — проблемы.

TIME

В ИНДИИ

стигнуть смягчения религиозного противостояния. Не без основания они считали, что британцы сознательно разжигают религиозную рознь между индуистами и громадной мусульманской общиной. Вытащив страну из бедности, можно было избавиться и от нетерпимости, поскольку именно бедность и невежество способствуют усугублению этнических конфликтов.

Не случайно конституция Индии 1949 года провозгласила страну «демократической, светской, социалистической республикой». Когда один из лидеров мусульманской общины сказал Неру, что такая нация не может выжить на субконтиненте, первый премьер-министр Индии ответил: «Он так невежествен, что даже ничего не знает о Югославии».

Однако далеко не все в стране разделяли светские взгляды Неру и следовавших за ним политиков. В Айотхе, уже в наши дни, демонстранты скандировали: «У мусульман есть только два пути: в Пакистан или на кладбище». Индусы-националисты всегда рассматривали мусульман как чужаков в Индии. Ганди, чья первая голодовка за мир в 1947 году помогла утихомирить беспорядки, был позже убит индуистским фанатиком, который считал, что с мусульманами нельзя обращаться как с людьми. Их надо убивать.

В наши дни агрессивно настроенные индуисты считают, что именно со стороны мусульман Индии грозит опасность. Они якобы пытаются захватить страну, игнорируя добровольную программу по контролю за рождаемостью. Члены партии Индийский конгресс, националистической Джаната Парти и правые группы обещают населению, что только при «чисто» индуистском правительстве возможны процветание и порядок. Только подлинные индуисты могут создать честное правительство.

Тем временем, партизанская война мусульманских сепаратистов в Кашмире дает возможность правым играть на опасности исламского фундаментализма. Они, не без оснований, указывают на рост воинствующего исламизма не только в Пакистане, но и на территории вновь созданных государств Средней Азии, где он прежде сдерживался Советским Союзом.

Но наиболее эффективным орудием индуистов стало «дело» мечети в Айотхе. Мечеть была построена в 1528 году мусульманским правителем империи Великих Моголов Вавуром. С тех пор, как утверждают, правитель пытался скрыть под мечетью место, где родился бог Рама, пожалуй, самый известный из многих индуистских богов. Первые беспорядки из-за мечети произошли в 1855 г. В 1949 г. в мечети неожиданно появилась статуэтка бога Рамы. Как выяснилось, провокацию совершили индуистские фанатики. Но индуисты сочли появление статуи Рамы в мечети великим чудом. Магистрат, во избежание беспорядков и лишних хлопот, приказал закрыть мечеть. По принципу: ни вашим, ни нашим. И 37 лет о ней никто не вспоминал. Шесть лет назад правительство Раджива Ганди сняло замки с мечети, надеясь таким образом завоевать новых сторонников. И выпустило тем самым джинна из бутылки.

Оппозиционная индуистская партия, которая тогда имела только два места в парламенте, сделала разрушение мечети, построенной на священном для индуистов месте, одним из краеугольных камней своей политической платформы. В 1989 году Джаната Парти завоевала уже 65 мест в парламенте. Массовые восстания в Айотхе привели к падению правительства Ганди.

Следующие выборы в Индии должны состояться через три года. Правительство намерено репрессивными мерами нейтрализовать влияние воинственных индуистов. Были арестованы лидеры оппозиции. Пять воинственных организаций индуистов были запрещены. Полиция провела операцию по задержанию фанатиков и изъятию оружия. Но аресты могут привести к обратным результатам. Ганди и Неру стали народными героями во время пребывания в тюрьме. Мучениками могут стать и фанатики-индуисты. Пока же обе общины готовятся к новым схваткам вокруг мечети в Айотхе. Молодежные организации мусульман поклялись воссоздать мечеть, отстроить ее заново. Клянутся и индуисты — отстроить храм Рамы. А пока десятки городов Индии патрулируются усиленными нарядами полиции.

Полицейские окружили демонстранта на одной из улиц в Дели
Фото Ассошиэйтед Пресс

БЫЛОЕ

АНАТОЛИЙ РЕЗНИК, кандидат исторических наук

В ПОИСКАХ ИДЕАЛА

ВАЦЛАВ ЛАСТОВСКИЙ И АЛЕКСАНДР ЦВИКЕВИЧ: ДВА ВЗГЛЯДА НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Начало 20-х годов не предвещало бурных перемен в белорусской эмигрантской мысли: виднейшие ее представители придерживались единой идеологии независимой, демократической Беларуси, провозглашенной Уставной грамотой БНР в марте 1918 г. Пражская конференция белорусской эмиграции (1921 г.) подтвердила стремление бороться за единую и неделимую Беларусь, против несправедливых положений Рижского трактата. Но и тогда лидерам БНР приходилось постоянно уточнять свой курс.

Социально-экономические преобразования в БССР, начавшиеся в период нэпа, лишали эмиграцию массовой поддержки, в которой она так остро нуждалась. Неудачей для нее окончилась попытка организовать всеобщее вооруженное восстание с целью объединения Западной и Восточной Беларуси.

Не все было благополучно и на внешнеполитическом фронте. На Генуэзской конференции (1922 г.) представителей белорусской делегации В.Ластовского и А.Цвикевича постигло новое разочарование: не желая рисковать своими интересами, западные державы отказались признать правительство БНР и отвергли его просьбу о пересмотре Рижского договора. Оставалась еще надежда на Литву как опорную базу эмиграции, но литовское правительство явно недооценивало белорусское национальное движение. Крупнейший политический деятель А.Вольдемарас заявил, что белорусский вопрос — это внутреннее дело России".

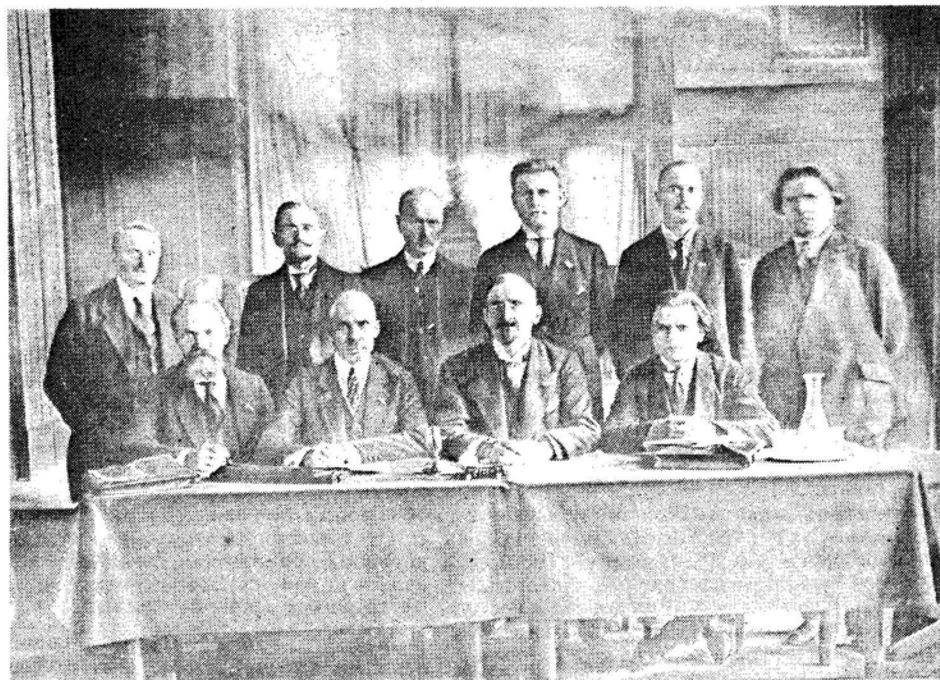
Эмиграция не могла смириться с таким положением дел. Пожалуй, наиболее серьезную попытку нового обоснования белорусской общенациональной идеологии в середине 20-х годов предпринял В.Ластовский. В основу была положена кривичская теория, без осмысления которой невозможно представить панораму эмигрантской мысли. Ластовский выдвинул идею замены традиционного названия белорусского народа и его территории наименованиями «кривичи» и «Кривия», полагая, что термин «Беларусь» не является славянским, а был занесен в восточнославянские земли в IX веке. Что же касается названий «кривичи» и «Кривия», то они, по мнению В.Ластовского, более точно отражают особенности формирования белорусского этноса, а потому нецелесообразно употреблять традиционные термины, под которыми «мы не имеем своего прошлого».

Замена исторических названий нужна была для того, чтобы доказать права белорусов (кривичей) на независимое существование. В предисловии к русско-белорусскому словарю (Каунас, 1924) Ластовский подчеркивал, что для этого имеются все необходимые условия: собственная история, самобытный язык, обычаи и обряды.

Свои мысли относительно кривичской теории он развил в статье «Что способствует росту и упадку народов и государств», опубликованной в каунасском журнале «Кривич» (1926, № 1), где концепция получила окончательное оформление. В основу национально-государственного строительства Беларуси (Кривии) должен быть положен принцип национальной индивидуализации, выявления тех специфических черт, которые отличают белорусов от других народов, ибо державы с сильной властью могут создать народы с ярко выраженными особенностями и устремлениями. Они проявляются в расовой принадлежности, вероисповедании, исторических традициях. Какое же место в истории принадлежит белорусскому (кривичскому) народу?

Главную роль в самоопределении белорусов, считал В.Ластовский, играют национально-исторические традиции, к которым он относил вечевой уклад жизни (свойственный также псковичам и новгородцам), а также децентрализацию государственной власти, противопоставляемой как московскому абсолютизму, так и польско-шляхетскому анархизму. Исходя из этих традиций, белорусский народ может черпать дополнительные силы для упрочения своей государственности, добиваясь объединения всех своих исконных земель, разорванных Рижским трактатом. Поэтому западная ветвь кривичского племени (белорусы) должна была взять на себя инициативу собирания новгородско-псковской и северской ветвей белорусского (кривичского) племени; только осуществив историческую миссию объединения всех кривичей, белорусы могут дать миру подлинные духовные ценности.

Ластовский последовательно развивал мысль о том, что национальный дух — высшее проявление всех богатств народной стихии; он имеет абсолютную ценность.

Белорусская конференция в Праге. 1921 г. В. Ластовский третий слева в верхнем ряду. А. Цвикевич третий слева в нижнем ряду.

Концепция Ластовского, расходясь с общепринятыми представлениями, замечательна попыткой проникновения в тайну национального бытия. Его обращение к принципам индивидуальной и политической свободы придавало кривичской теории гуманистическую направленность. Но для того, чтобы стать общенациональной идеологией, как надеялся автор, этого было мало: там, где он стремился приложить свою концепцию к современности, его мысли теряли убедительность, становясь легко доступными для критики. Проблема заключалась не в достоверности самой теории, которая создавалась не столько в научных, сколько в пропагандистских целях, а в том, каким образом средневековые идеалы можно было перенести в 20-е годы, примирив их с действительностью.

В этом главный источник противоречия во взглядах Ластовского: становясь на реальную основу, его теория сразу же теряла притягательную силу. Выступая за консервацию нежизненных национально-исторических традиций, невоспроизводимых в современных ему условиях, Ластовский покидал ту социальную почву, на которой было взращено белорусское национальное движение, ставившее своей целью служение не абстрактному идеалу, а трудовой демократии. Возрождение, декларируемое Ластовским под знаменем «исторической белорусскости», призывы к реставрации вечевого начала, средневековых прав и свобод, заключали национальный общественный идеал в оковы безвозвратно ушедшего прошлого, полностью лишая его всякой социальной основы и исторической перспективы.

Именно поэтому кривичская теория Ластовского была отвергнута даже с большей категоричностью, чем ожидал сам автор. Первое серьезное предупреждение прозвучало со страниц рижской газеты «Голос белоруса» летом 1925 г. Аргументация критиков была направлена именно против недооценки социального фактора в истории, игнорирования действительности. Не было смысла, подчеркивали оппоненты, менять название «Беларусь» на «Кривию»: привычный для всего населения термин употреблялся для обозначения территории, на которой проживали белорусы, а затем распространился и в зарубежных странах. С другой стороны, объективные условия жизни в советской стране, давшей первоначально своим гражданам необходимый минимум прав и свобод, являлись теми предпосылками, на основе которых могла развиваться белорусская государственность. Хотя и в урезанном виде, но существовала пока возможность сохранения национальной самобытности.

С этой точки зрения более чем спорным в кривичской теории был акцент на децентрализации государственной власти. Величайшей бедой в истории Беларуси периода октябрьского переворота и гражданской войны явилось как раз противоположное — отсутствие мощной власти, реальной политической силы, которая могла бы объединить все белорусские земли.

Еще более суровой критике концепция Ластовского подверглась на Берлинской конференции, где она была признана «идеологически вредной», вносящей разлад в белорусское национальное движение. Такого же мнения придерживался главный редактор газеты «Голос белоруса» К.Езовитов, председательствовавший на этом форуме.

Наиболее последовательным оппонентом кривичской и других теорий национальной самобытности был А.Цвикевич. Острие его критики было направлено против безусловного приоритета национальной идеи над социальной. Такой подход был продиктован сомнениями в правильности прежнего курса БНР, когда под влиянием XI съезда РКП(б) появились надежды на успешное решение национального вопроса в БССР, дальнейшую либерализацию Советской власти.

Отмечая, что белорусскую проблему можно рассматривать либо под знаком буферной демократической державы, либо под знаком политической эволюции Советской Беларуси, Цвикевич все же отдавал предпочтение демократизации последней, считая это делом одновременно и более важным и «легким». Обосновывая недостижимость абсолютной независимости Беларуси как первоначального идеала эмиграции. Цвикевич сосредоточился не на поисках романтического прошлого, а на трезвом учете конкретно-исторических условий, при которых могла развиваться белорусская государственность.

Прежде всего поставил вопрос: какому идеалу служит белорусская эмиграция — буржуазному или социалистическому? Не найдя удовлетворительного ответа, бывший лидер БНР поставил еще более сложный вопрос: возможно ли в Беларуси осуществить парламентаризм по образцу западноевропейских держав, и, если в республике отсутствует национальная буржуазия, то не лучше ли для крестьянской страны организовать социалистическое строительство по примеру России? Все попытки решения этих проблем интеллектуальными силами самой эмиграции оказались безуспешными, и Цвикевич предпринял верный шаг, поставив национальный вопрос не в центр теоретических споров, а в плоскость реальной политики. Он выдвинул проблему социальной базы Советской власти как первостепенного условия национального возрождения белорусов. И тот факт, что такая база была создана, объективно подрывал авторитет БНР. В статье о Берлинской конференции (1926 г.) Цвикевич высоко оценил национальную политику в Советской Беларуси, а также «технику» государственного строительства в СССР: «Бездушный, по признанию народников, марксизм обнаруживал тут на практике свою человеческую сущность». Выступая за то, чтобы часть суверенитета Беларуси перенести на весь Советский Союз, он надеялся, что такое сочетание национальных интересов с интернациональными могло бы дать БССР максимум достижений во всех областях, прежде всего в сфере экономики и обороны.

Эти рассуждения привели Цвикевича к выводу, что белорусская нация может возродиться только в условиях социалистического строя в форме союза государств, ибо главным судьей между национальностями, объединенными в такой союз, может быть единый «класс трудящихся». На этой социальной основе, заключал он, СССР мог явиться универсальной формой политической организации не только для всех наций Европы, но и для всего мира. Такой подход можно объяснить антизападной ориентацией автора. Полагая, что ни Прибалтика, ни Лига Наций не окажут помощи Беларуси, он призвал народников, оставшихся в эмиграции, сделать «ставку на Москву». В этой интерпретации проблема государственного суверенитета теряла свой первоначальный смысл; она заменялась идеей народного суверенитета, которым, по его мнению, обладала Советская Беларусь.

Мировоззрение Цвикевича можно определить как соединение народнических идей с марксистскими. От народничества он воспринял веру в ведущую роль масс как недифференцированного «класса трудящихся» в национальном строительстве; влияние марксизма проявилось в резком противопоставлении буржуазного и социалистического строя, ярко выраженном классовом подходе к национальному самоопределению. Синтез двух противоречивых начал не затемнял, однако, главного: реалистической (за исключением теории мировой революции, разделяемой в те годы многими идеологами) основы, на которой он строил свою концепцию.

Таким образом, взгляды Ластовского и Цвикевича определяло различное понимание национального вопроса, столь волновавшего белорусскую эмиграцию. Если для творца кривичской теории национальный фактор в воссоздании белорусской государственности был решающим, то взгляды Цвикевича определялись в первую очередь социальным подходом к действительности. Теория Ластовского вела к сепаратистским устремлениям, характерным для сравнительно небольшой части интеллигенции, в то время как концепция Цвикевича приводила к федерализму, отвечающему интересам и историческим традициям большинства белорусского населения.

Несмотря на столь существенные различия в мировоззрении, идеологов эмиграции объединял сам поиск национального идеала, суть которого заключалась не в соотношении национального и социального, а в ощущении единства исторической судьбы белорусского народа. И все ж очевидно: если Ластовский искал ключ к тайне национального бытия в седой старине, во временах средневековой Руси, то Цвикевич искал его же в другой Руси, точнее в России, воплотившей, как он верил, народнические идеалы, созвучные настроениям белорусов.

Национальный общественный идеал должен органически вырастать из соответствующих политических и социальных условий, вытекать из потребностей народа, который в этом идеале нуждается, а не быть самодовлеющей абстрактной теорией, в какие бы привлекательные формы она не облекалась. В этом — принципиальное значение полемики двух виднейших идеологов БНР, полемики, которая не окончена и сегодня.

КУЛЬТУРА

ЧЕСЛАВ МИЛОШ

ТОМАС ВЕНЦЛОВА

СИНТАКСИС

ВИЛЬНЮС КАК ФОРМА ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

ДИАЛОГ В ПИСЬМАХ

В № 4 «Европейского времени» мы опубликовали беседу с Чеславом Милошем, в которой отчасти затрагивалась «литовская тема», близкая знаменитому польскому интеллектуалу, лауреату Нобелевской премии. В этом номере мы предлагаем читателю своеобразный диалог в письмах Милоша и Томаса Венцловы, литовского писателя, как и Милош, ныне живущего за пределами своей родины. Собеседники принадлежат к разным поколениям. Но есть связующая их нить — память о Вильнюсе. Диалог этот впервые был опубликован в 1981 г. в парижском журнале «Синтаксис», издаваемом Андреем Синявским и Марией Розановой. С тех пор многое изменилось. Литва стала независимой. Милош совсем недавно побывал в родных местах. И кто знает, как сложится дальнейшая судьба преподающего сейчас в американских университетах Венцловы? Не захочет ли он, уехавший из Литвы в 1979 г. вернуться?

В 1981 г. Милош и Венцлова, конечно же, не могли представить себе во всей полноте как буквально через несколько лет начнут разворачиваться события. Но очень важен сегодня точно определенный в их диалоге сложнейший комплекс национально-исторических проблем, завязавшихся вокруг Вильнюса, наконец, сама позиция собеседников — честная, совестливая, подлинно гуманистическая.

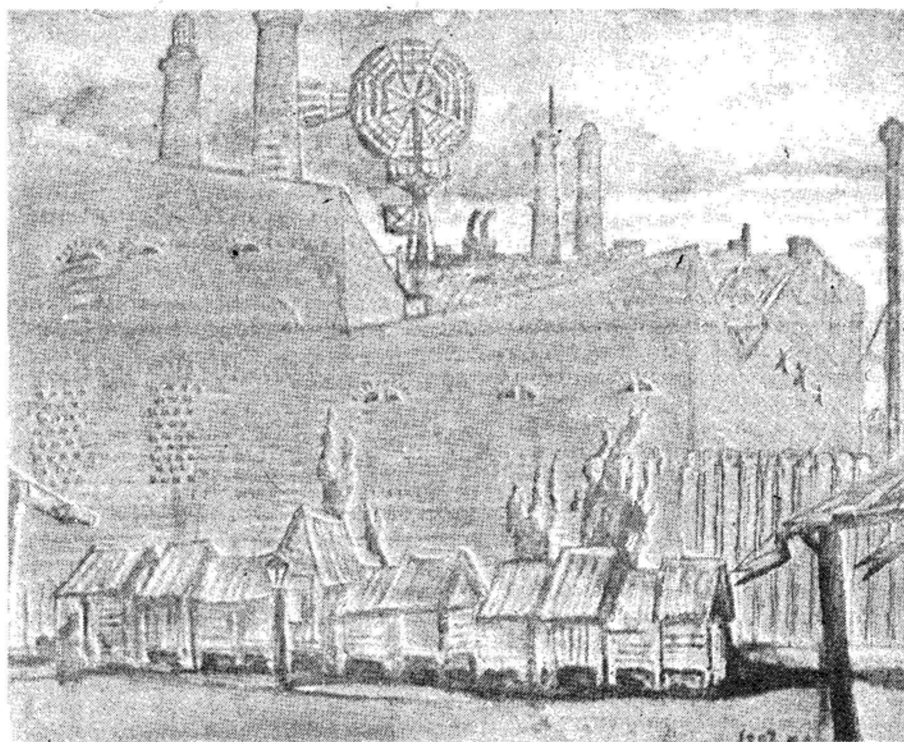
Семен Букчин

Дорогой Томас!

Два поэта, литовец и поляк, выросли в одном и том же городе. Пожалуй, этого недостаточно, чтобы они беседовали о своем городе — даже в печати. Правда, город, который я знал, входил в состав Польши и назывался Вильно, школа и университет пользовались польским языком; твой город был столицей Литовской ССР и назывался Вильнюс, Ты кончал школу и университет в другое время, после второй мировой войны. Тем не менее, один и тот же город, его архитектура, пейзаж окрестностей, его небо создали нас обоих. Не исключены, так сказать, некоторые теллурические воздействия. Кроме того, я полагаю, что у каждого города есть свой собственный дух или ореол, и порою, когда я проходил по улицам Вильно, мне казалось, что этот ореол я ощущаю почти физически.

Недавно кто-то из друзей спросил меня, почему я так настойчиво возвращаюсь в Вильно, к Литве в своих воспоминаниях — это видно по моим стихам и прозе. Я отвечал: дело тут, по-моему, не в эмигрантской ностальгии — ведь съездить туда мне бы не хотелось. Вероятно, это просто поиск действительности, проясненной ходом времени, как у Пруста; но есть другая причина. Я провел в Вильно свои отроческие годы и думал тогда, что жизнь у меня сложится как-то по обыкновенному; только позднее все в этой жизни начало запутываться, так что Вильно осталось для меня точкой отсчета, возможностью, именно возможностью нормального. Кроме того, как раз там я прочел польских романтиков и, читая их, стал смутно предчувствовать свою грядущую неестественную судьбу, хотя самое дикое воображение не могло бы в то время нарисовать картины моего личного и исторического будущего.

Вильно неотделимо от истории польской культуры — из-за Мицкевича, филоматов, Словацкого, Пилсудского. Не раз я размышлял об очевидном сходстве между Вильно моей юности и тем Вильно, в котором за сто лет до этого по милости Александра I существовал лучший университет Империи. Тогда это был масонский город — собственно говоря, разгром филоматов совпадает по времени с выступлением Александра I против масонов во всем российском государстве. Филоматы были связаны с масонами через Контрима, библиотекаря университета. Я знал о масонских ложах в моем Вильно недавнего времени; у тайной организации «Пет», в которую я был принят еще гимназистом, тоже были с ними связи; политически организация была направлена против эндеков. Но когда не так давно я встретил своего бывшего профессора, одного из самых молодых тогдашних профессоров права, Станислава Свяневича, я узнал от него, что масонских лож было много, и почти все профессора принадлежали к какой-нибудь ложе. В общем, размах масонства в Вильно, согласно его изложению (а он — человек абсолютно правдивый), меня поразил. Не знаю, можно ли в этом усмотреть какую-то постоянную виленскую черту. Во всяком случае, уже в средней школе я попал во что-то вроде «ложи» — я употребляю это слово не в буквальном значении, а в смысле заговора элиты, в которую надо быть принятым. Эта элита относилась пренебрежительно к «мыслящим правильно», т.е. к целому сплетению понятий: к польскому национализму, Сенкевичу, студенческим корпорациям, их эмблемам и так далее. «Ложей» этого рода был Академический Клуб Бродяг, в котором я оказался сразу после поступления в университет; а несколько позже, во время широкого, хоть и недолговечного разлива левых настроений в начале тридцатых годов, таким же был К.И., то есть Клуб Интеллектуалов, род кельи, координирующей и планирующей действия, а также устраивающей дискуссии в помещении Союза Юристов (студентов права). В этих «ложах» я вижу романтическое наследие — мечту о спасении человечества «сверху», с помощью «просвещенных умов».

Мстислав Добужинский. Стеклянная улица в Вильно. 1906 г.

А правые, сторонники лозунга «Бог и Родина», «стопроцентные поляки»? К ним принадлежало большинство говорящих по-польски. В языковом отношении Вильно времен филоматов наверняка было более польским, чем мое Вильно; не знаю только, были ли окрестные деревни польскими, как в мое время, или белорусскими. А может быть, литовский язык (который, как известно, в тех местах постепенно вытеснялся белорусским) тогда подступал ближе к Вильно? В самом городе XIX век, период русского господства, оставил свой след, поэтому я и говорю, что то давнишнее Вильно, вероятно, было более польским. Ведь почти половину населения моего Вильно составляли евреи, а значительная их часть приняла русский язык или склонялась к нему. Поэтому в моем Вильно русские гимназии существовали наряду с польскими. Если не ошибаюсь, была одна с преподаванием на древнееврейском языке, и были какие-то школы на идиш. (Как ты, наверное, знаешь, была одна литовская гимназия имени Витовта Великого и одна белорусская). Еврейская интеллигенция, привязанная к русской культуре, посылала своих детей в русские школы — ведь русских в Вильно было мало: чуть-чуть тех, что остались с царских времен, да горстка эмигрантов. Были и другие русские пережитки — скажем, безобразная архитектура, типичная для русских гарнизонных городов, так плохо подходящая к уличкам старого Вильно. Главная улица когда-то звалась проспектом Св. Георгия, и когда я ходил в школу, ее все еще называли Ерек. Ерек было местом прогулок господ офицеров и студентов. Потом мы постепенно привыкли к новому его названию: улица Мицкевича.

При всем при том особенности Вильно в сравнении с другиии городами бросались в глаза. Псалмовевец называет Иерусолим «замкнутым в себе» городом, и это до некоторой степени относится и к Вильно, по контрасту с городами, построенными на равнине, как Варшава. Замкнутость Вильно напоминает Краков, но планы этих двух городов различны, ведь в Вильно нет рынка как срединной точки города. С детства у меня сохранились воспоминания, впрочем достаточно туманные, о Дерпте или Тарту; возможно, я ошибаюсь, но что-то общее с Вильно, по-моему, там есть. И в чешской Праге я чувствовал себя скоре «по-виленски», чем «по-варшавски». Впрочем, пожары так часто уничтожали историческое Вильно, что вероятнее всего само положение у слияния двух рек и между холмами придает городу эту «замкнутость».

То, что Вильно было провинцией, а не столицей, я ощущал очень сильно. И в случае полонизации всех этих этнических литовских и белорусских земель оно было провинцией и осталось. Возьмем, к примеру, Францию. Земли на юг от Лауры не были французкими, там говорили на провансальском языке, но со времени их завоевания в XIII веке, под предлогом крестового похода против альбигойцев, они были постепенно «офранцужены». Еще в XIX веке вся деревня там говорила на диалекте, то есть на провансальском языке, но несколько лет тому назад в департаменте Лот я узнал, что помнят этот язык только в деревушках, да и то исключительно те, кому больше сорока. Во время войны это был язык маки, очень полезный, потому что городские, то есть французы его не понимали. Говоря грубо: если бы Польша не проиграла своей исторической ставки, она бы полонизировала все земли вплоть до Днепра, так же как Франция распространила свой язык до самого Средиземного моря. В XX веке программа польских националистов относительно этнически непольских земель была глупой, потому что Львов и Вильно так или иначе были анклавами. Вероятно, сегодняшним молодым людям очень трудно понять этот характер Вильно-анклава: то ли Польша, то ли не Польша. Литва, а может быть и не Литва, то ли провинция, то ли столица, хотя прежде всего провинция. И, конечно, Вильно, как я сейчас вижу издалека, было причудливым городом перемешанных, пересекающихся полос, как Триест и Черновцы.

Вырасти там означало не то же самое, что вырасти в местах этнически однородных: даже язык воспринимался иначе. Не было народного говора — городского или деревенского — с подлинно польскими корнями; был «тутошний язык», забавный, по духу скорее белорусский, чем польский, хотя и сохранивший много общепольских выражений XYI—XYII веков, которые в Польше вышли из употребления. Граница между «тутошним» языком и разговорным языком дворянства (тем, который Мицкевич слышал в детстве, а позже в Париже улавливал внутренним слухом) была, очевидно, расплывчата, так же как рубеж между мелкой шляхты и речью помещиков или интеллигенции, вышедшей из имений. Но все это было поистине чуждо польскому народному говору. Пролетариат Вильно говорил на «тутошнем» языке, непохожем на родной язык Варшавы, где, по-видимому, сохранился какой-то крестьянский субстрат.

Провинциальность Вильно. Очень она меня угнетала, я мечтал вырваться на простор. Так что не стоит создавать миф о любимом утраченном городе — ведь я в сущности не мог там вытерпеть; и когда Бочаньский, тогдашний воевода, потребовал, чтобы Польское Радио в Вильно уволило меня, как политически неблагонадежного, я воспринял с облегчением этот вынужденный отъезд в Варшаву. Потому что Вильно было попросту дырой: неслыханно узкая аудитория, если не считать евреев, говорящих и читающих на идиш или по-русски, и «тутошних», не читающих ничего. Кто еще? Немного интеллигенции дворянского происхождения, в общем достаточно тупоумной. И с этим связан вопрос о национальности. Ведь если бы мы считали себя литовцами, то Вильно было бы нашей столицей и нашим центром. Как ты знаешь, вопрос этот очень труден. Логичным было бы финское решение. Я не изучал его в подробностях и не знаю, как финны, чей родной язык был шведский, вышли из положения, но все же, вероятно, Хельсинки было их центром, а не Стокгольм. В принципе нам следовало считать себя литовцами, говорящими по-польски, и поддерживать в новых условиях девиз Мицкевича «Отчизна милая, Литва», что

(Продолжение на стр. 12, 13)

КУЛЬТУРА

ЧЕСЛАВ МИЛОШ *ТОМАС ВЕНЦЛОВА*

ВИЛЬНЮС КАК ФОРМА

ДИАЛОГ В ПИСЬМАХ

ратуру на польском языке, параллельную литературе на литовском. Но по сути дела никто этого не хотел: ни литовцы, ощетинившиеся против польской культуры, подвергающей их денационализации, ни те, кто говорили по-польски и считали себя просто поляками, а к нации крестьян, «клаусюков», относились пренебрежительно. Личности, думавшие иначе, были немногочисленны, хотя и очень интересны, ценны и энергичны. В моем Вильно это были так называемые «местные» ("краевцы"), мечтавшие о сохранении традиций Великого княжества Литовского как единственного противовеса России или о федерации народов, когда-то входивших в состав Великого Княжества. Эти круги более или менее совпадали с виленской масонской средой. История их своеобразной идеологии должна быть когда-нибудь написана, но если я говорю, что это интересно, даже захватывает, то говорю теперь, спустя много лет; будучи молодым человеком, склонным к авангардизму, занятым современной поэзией, французским интеллектуальным движением и т.д., я не уделял особого внимания тому, что происходило вокруг. Кроме того, уже тогда это было движение проигравших, последние отголоски. Оно не могло рассчитывать даже на тень симпатии с литовской стороны, ибо считало себя продолжением «ягеллонской идеи». И несомненно за сентиментальной привязанностью к идее Великого Княжества у многих людей дворянского происхождения крылась мечта о господстве. И все же Людвик Абрамович и несколько других «местных» глубоко и искренне противостояли польскому национализму. Они были преемниками широко мыслящих просветителей былой Речи Посполитой XYIII века, да и по масштабу им не уступали. Вряд ли на литовской стороне был какой-то эквивалент; там, пожалуй, все сводилось к новому национализму, спазматичному по своей природе. Так или иначе, «местные» были единственными среди говоривших по-польски жителей Вильно, кто считал Вильно столицей, не провинцией. А сейчас я думаю: если кто желает добра этому городу, должен хотеть, чтобы он был столицей. Это автоматически исключает какие бы то ни было польские притязания на «польское Вильно».

В мои студенческие годы Вильно для меня сводилось к окрестностям Кафедральной площади: справа университет, слева — кафе Рудницкого на углу улицы Мицкевича, и совсем рядом Институт Исследований Восточной Европы. В нашем университете преемственность чувствовалась сильнее, чем в других польских университетах, кроме разве Ягеллонского в Кракове. Дело в том, что эпоха после восстания 1831 года, когда университет был закрыт, как-то сжалась, исчезла, и мы дышали филоматским воздухом. Воспитываться в Вильно — означало принадлежать к XX веку только в определенной степени, и то главным образом благодаря кино. Иногда теперь в моем сознании Академический Клуб Бродяг и особенно Клуб Бродяг-Старейшин смешивается с Товариществом Шубравцев (Бездельников), которое состояло из профессоров молодого Мицкевича. Даже тогдашняя масонская ложа «Усердный Литовец», по-моему, продолжала существовать в мои годы.

По сравнению с Вильно Варшава была уродливым городом. В центре и кое-где на окраинах ее разъедала язва нужды — еврейской нужды ремесленников и мелких лавочников или польской нужды пролетариата. Куда Варшаве до цивилизованных городов — таких как прелестная чешская Прага; и все же Варшава жила уже в двадцатом веке. Приезжим из Варшавы, таким как поэт Галчинский, Вильно казался неслыханно экзотичным. А меня Варшава привела в ужас. Я изучал право в Варшавском университете, и это был тяжкий опыт. На экзаменах я провалился (у профессоров, которые в подметки не годились виленским) и вернулся в Вильно.

Когда мы говорим о Вильно, следует помнить, что в значительной степени это был еврейский город. Но в совершенно другом смысле, чем Варшава. Еврейский район в Вильно состоял из лабиринта узких улочек, совершенно средневековых, с арками между домами, с изрытой мостовой шириною в три метра. А в Варшаве — улицы безобразных доходных домов XIX века. Еврейская нужда в Вильно меньше бросалась в глаза; это не значит, что ее не было. Но не в этом состояла разница. Вильно был влиятельным центром еврейской культуры, с традициями. Напомню, что именно здесь, на базе еврейских рабочих, — тех, что говорили на идиш, — перед первой мировой войной возник Бунд. Его лидеры, Альтер и Эрлих, потом были расстреляны по приказу Сталина. В Вильно был Еврейский Исторический Институт, переехавший впоследствие в Нью-Йорк. Я думаю, что именно Вильно весьма способствовало возрождению языка иврит в Израиле. Живя в таком городе, я должен был получить обо всем этом представление, но обычай оказался слишком сильным препятствием. Еврейское и нееврейское Вильно жили врозь. В речи и письме они пользовались разными языками. В студенческую пору я был крайним интернационалистом — впрочем, поверхностным. Я ничего не знал об истории евреев в Польше и Литве, об их религиозной мысли, еврейском мистицизме, Каббале; разобраться в этом мне удалось намного позже, в Америке. Это показывает, насколько были разделены две общины; что уж говорить о других городах довоенной Польши, если я в таком окружении остался невеждой! Никто в Польше, насколько мне известно, не отважился предложить, чтобы древнееврейский язык преподавался в школах как один из «классических» языков, чтобы изучалась история мысли польских евреев или хотя бы Ветхий Завет с комментариями: такого человека забросали бы каменьями. И если нелюбовь евреев к полякам, — хотя они странным образом склонны прощать немцев и русских, — мне очень тяжела и обидна, я все же должен признать, что мелкий антисемитизм (по-английски я сказал бы «petty», по-французски — «mesquin») может оскорбить не меньше, чем преступление, потому что с ним люди сталкиваются ежедневно.

Я надеюсь, что Ты найдешь в моем письме материал для размышлений. Мы оба хотим, чтобы польско-литовские отношения складывались иначе, чем в прошлом. Оба народа прошли страшные испытания, были завоеваны, унижены, растоптаны. Новые поколения будут разговаривать друг с другом иначе, чем в предвоенное время. Однако мы должны считаться с силой инерции и с тем, что в образовавшемся идеологическом вакууме национализм в Польше или в Литве не раз будет вступать на проторенный путь.

Дорогой Чеслав!

Мы знали не один и тот же Вильнюс; даже можно сказать, что это два диаметрально противоположных города. Такая полная перемена случается не часто. Вероятно, Варшава, хотя и была полностью разрушена, изменилась меньше. Может быть, судьба Вильнюса несколько сходна с судьбой Гданьска или Вроцлава (Кенигсберг постигла гораздо худшая судьба). Там тоже сменилось население, язык, общественные устои; при этом, скажем, довоенный Гданьск опирался на польский тыл и какой-то польский субстрат, подобно тому, как Вильнюс, будучи частью исторической Литвы, соприкасался и с Литвой этнографической. И все-таки все стало новым. Конечно, осталось небо, Вилия (она сейчас называется Нерис), даже песчаные отмели в том месте, где в Вилию впадает Виленка или Вильняле; остались некоторые деревья, — много деревьев; но что же еще? Да, осталась архитектура. Это существенно.

По-моему, именно архитектура придает городам ореол; все другое — стиль жизни, даже ландшафт и климат в каком-то смысле производны от нее. Вильнюс — город барочный. Но барокко обычно требует пространства, расстояния, перспективы; города в эту эпоху строились уже по-современному. Вильнюсское барокко — это барокко на средневековой канве; ведь сама сеть уличек средневекова, все здесь криво, стиснуто и запутано. Над этим лабиринтом вырастают мощные купола и башни родом из совершенно другого столетия. Ничто здесь не является в целостности: какие-то части костелов, косые крепостные стены, перерубленные пополам силуэты маячат из-за угла; среди сырых и грязных коридоров вдруг устремляется в небо великолепная белая колокольня Св. Иоанна, либо открывается небольшая классическая площадь. История города и национальные отношения в нем — ровно такая же путаница. Впрочем, Ты это отлично знаешь. В мои школьные годы половина этого Вильнюса стояла в руинах, однако все костелы каким-то чудом уцелели. Артиллерийский огонь уничтожил одну из двух прелестных башен Св. Екатерины — впрочем, потом восстановили и ее. Разумеется, советские власти позакрывали большую часть костелов, устроили там склады бумаги и водки; потом — с переменным успехом — иные костелы были превращены в музеи; но во всяком случае их внешний вид сохранился. Город с давних пор очень сросся со своей почвой: в ясный день хорошо видно, что линии фронтонов отражают линию окрестных лесистых пригорков, или может быть это она отражает их. Ты когда-то писал, что облака над этим городом — тоже барочны; Ты прав.

Я не хотел задерживаться на барокко. В Вильнюсе можно найти все европейские стили (за исключением романского), и к тому же хорошего качества. Смешение их поистине удивительно, хотя стили существуют без труда. В школьные годы я этим интересовался, в общем всерьез. Я знал не только все вильнюсские здания, но почти каждое окно или колонну. Это помогло мне разобраться в архитектуре — во всяком случае, лучше, чем в других искусствах; я развил некое зрительное, пространственное воображение (музыкального, к сожалению, у меня нет).

Достаточно рано я стал воспринимать вильнюсскую архитектуру как знак. Она о чем-то говорила и ставила какие-то требования. Это было высокое прошлое посреди странного и ненадежного настоящего, традиция в мире, внезапно лишенном традиций, культура в мире не-культуры. Не будем скрывать — культура в значительной степени польская. Но также итальянская, немецкая, французская; прежде всего христианская (это я понял позже).

Родом я не из Вильнюса; родился в Клайпеде, откуда мои родители вынуждены были уехать в 1939 году, когда Гитлер занял этот город и его окрестности. Тогда мне было два года. Детство, иначе говоря немецкую оккупацию я провел в Каунасе. Но потом уже стал вильнюсцем, как и многие тысячи литовцев, которые во время войны и после войны съехались в свою историческую столицу. Для них это был совершенно незнакомый город. Перед войной между Вильнюсом и независимой Литвой, как известно, практически не было связей. Правда, был миф о Вильнюсе, существенный для литовского воображения — но об этом позже, и это другое. Существовали также, и сейчас существуют, старые виленские литовцы; это интересная группа людей, но маленькая и уже вымирающая. Так что вильнюсская жизнь поначалу была трудным врастанием в новую почву. Да и вообще это был хаос.

Население Вильнюса в эту ранюю пору было очень невелико; вдобавок это была непостижимая магма. Евреи почти все погибли; поляки постепенно уезжали в Польшу (или в Сибирь), оставался, пожалуй, пролетариат да люмпены; литовцы либо принадлежали к новой советской элите, либо к недобитой интеллигенции, обычно сломленной или запуганной; появилось много русских и других иммигрантов — чиновников, оккупационных офицеров с красивыми дочками, но и простых людей, живущих нищенски или хуже того. Из «тутошнего» наречия, русского и осколков литовского, на глазах творился новый странный жаргон. Город был бандитским и опасным. Часто вспыхивали дикие драки, главным образом при сведении национальных счетов. А прежде всего каждый чувствовал тяжкую руку власти.

Делалось решительно все, чтобы выкорчевать прошлое и привить новый образ мышления. Конечно, это не ограничилось снятием крестов или неожиданным переименованием кинотеатров «Казино» и «Адрия» в «Москву» и «Октябрь» (эти названия они носят по сей день). Новую идеологию насаждали всевозможными способами, при этом так, чтобы унизить побольнее, показать человеку, что он ничего не стоит. Старые учителя в школе и профессора в университете, задыхаясь от бессильной ярости, повторяли фразы, в которые не верили и которые человеку, наверное вовсе не пристало говорить.

Было несколько смелых людей — или таких, которым в любом случае нечего было терять; скажем, старый русский эмигрант, религиозный философ Карсавин. Они, разумеется, погибли. Но погибали и другие. В конце концов привыкли ко всему — к обязательным демонстрациям, к навязанным дружбам, к особому языку, диаметрально противоположному тем мыслям, которые в действительности у тебя на уме. Наступило засилие мещанства и относительное спокойствие. Люди, прежде всего образованные слои, полагают, что ежедневная ложь — это динарии, которые следует платить кесарю, чтобы жить сносной жизнью, и не видят здесь моральной проблемы. Пожалуй, именно этого власти и добивались.

Надо сказать, что в Вильнюсе у меня часто бывало очень неприятное ощущение: нынешние жители как-то не соответствуют городу, они куда меньшего масштаба. Отчасти поэтому я и видел мир искаженным. А ведь это оказалось неправдой. Следует помнить, что сейчас Вильнюс — центр литовского сопротивления, которое без малейших сомнений я назвал бы великим. Мои контакты с ним были очень незначительны (хотя я вел свою частную войну с режимом и однажды сыграл ва-банк). Но оно было частью вильнюсского воздуха.

Отношение властей к литовскому национализму всегда было двойственным. Конечно, они старались свернуть ему шею, но другой рукой как бы подкармливали. Даже в сталинское время делали престранные уступки. В 1940 году национализм был категорически запрещен; однако, во время войны стала дозволенной не только русская, но — в умеренной степени — и литовская националистическая трескотня. Вдруг оказалось, что можно хвалить литовских великих князей (как-никак, они здорово дрались с немцами). Все это было совершенно прозрачно (хотя, следует признать, амбивалентно). После войны дело стало запутываться. Некоторые уступки были тактическим ходом в большой игре, где ставкой было покорение нации. В других случаях маневрировала литовская советская элита, которая в своих собственных интересах тихо саботировала русификацию (как я говорил, в глубине души это ужасно антирусская публика), хотя достаточно ее чуточку прижать, и она сделает все необходимое, даже больше). Притом значительно легче управлять, науськивая

СИНТАКСИС ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

литовцев против поляков, всех против евреев и так далее (делались уступки и вильнюсским полякам, хотя по-видимому, и небольшие). Ну, а русские выступают в роли удобного пугала: не делайте того, не делайте этого, потому что русские вас раздавят. «Песня и пляска», разумеется, процветает, иной раз даже в виде весьма эстетизированных концертов для немногих, а «праздники песни» для режима ничуть не менее характерны, чем первомайские демонстрации. Великих князей, впрочем, уже не принято вспоминать. А все же замок в Тракае был восстановлен; это разгневало Хрущева, но его живописный гнев остался только в воспоминаниях. Кроме того, вошли в моду исторические драмы с разнообразными неясными намеками, кстати любезно одобряемые цензурой и партийной критикой. Одним словом, и в Литве используют национализм как дополнительный инструмент контроля (а также клапан безопасности); меньше, чем в Польше, но используют. Отношение к католицизму куда более однозначно: католицизм не используют, просто стараются уничтожить. А я полагаю, что в этих краях не только национализм, но и католицизм — реальная сила.

Я помню трагикомические, очень унизительные и достаточно частые колебания так называемой национальной политики. В особенности если речь заходила о символах (этот режим к символам невероятно чувствителен). Красный флаг на башне Гедимина был заменен на трехцветный, но не на предвоенный литовский, а на новый, с преобладающей долей красного. Как-то городам стали возвращать гербы, но это сразу кончилось, когда дело дошло до герба Вильнюса — Св.Христофора. Национальный гимн, строжайше запрещенный во время первой оккупации, вновь исполнялся на вильнюсских парадах после войны, при этом в самые худшие времена; но потом его все же заменили на новый, слова которого написал мой отец.

Национальное самосознание в Литве развилось достаточно поздно, с большим трудом и именно в оппозиции к Польше. Влияние польской культуры, особенно после Люблинской унии (1569), было огромным и, по-моему, в общем положительным, хотя здесь практически ни один литовец со мной не согласится. Без Польши мы бы многого не знали, в том числе, вероятно, и понятия политических прав. Да и в нашем национальном возрождении слышались типичные польские обертоны, то сарматские, то мессианские, только эти модели парадоксальным образом оборачивались против польского культурного влияния. Все было наоборот: король Ягелло — предатель, Януш Радзивилл — герой и так далее. Нация должна была стать на собственные ноги. А делала она это иногда неуклюже, впадая в детские комплексы, что нетрудно простить, ибо оно поначалу случается с каждым. Комплексы, однако, держатся невероятно долго и становятся балластом. Ты говоришь о злопамятности поляков. Злопамятность литовцев, по-моему, еще сильнее, ее хватает на несколько сотен лет. Мы даже этим гордимся, хотя стоит ли? Помним, что польское культурное (и социальное) господство в Литве в восемнадцатом веке стало угрожать нам утратой языка и собственного исторического пути. Добавь к этому болезненное чувство национальной второсортности, которое накапливалось столетиями; из этого непременно рождается мания величия в сочетании с манией преследования. Легко над этим смеяться, хотя у народа в таком положении являются и здоровые амбиции. Сам я ни в малейшей степени не испытываю чувства национальной второсортности; молодое поколение литовцев от него освобождается, так как Литва теперь, пожалуй, ни в чем не отстает от других стран Восточной Европы; но некоторые стереотипы сохраняются и могут возродиться, тем более, что опыт тоталитаризма отнюдь не способствует мудрым и терпимым отношениям. Существует какая-то привычка демонизировать поляков. По этому мнению (все еще влиятельному, хотя и менее, чем бывало), поляки целые века думают исключительно об одном: как бы Литву присоединить к Польше, ополячить и вообще загубить. Они опаснее русских (ведь католики и к тому же европейцы). Сохранился стереотип поляка-Маккиавелли не то из Ошмяны, не то из Альпухары, который всегда своего добьется, если не силой, то коварством. Здесь в эмиграции, я часто встречаю подобные взгляды, и всегда при этом испытываю ужасный стыд, потому что ведь это какая-то незрелость, прямо из романов Гомбровича. Зрелую нацию, какой Литва безусловно сейчас уже стала, попросту невозможно денационализировать, даже если кто-нибудь этого очень хочет. Весь этот стереотип — инерция и тяга вспять. Он может быть выгоден только режиму. Именно поэтому нельзя о нем забывать, и следует (полякам тоже) избегать всего, что могло бы поддержать или возродить эти чувства.

Дело, конечно, касается и Вильнюса. Существует особая литовская мифология Вильнюса; по-моему, она сыграла большую роль в истории этого города, чем, скажем, экономические отношения. Для поляков Вильно было культурным центром, важным, но все же провинциальным. Для литовцев это символ исторической непрерывности и единства, нечто вроде Иерусалима. В девятнадцатом и двадцатом веках воображение литовцев в огромной степени формировал миф о королевском и святом Вильнюсе, силой оторванном от родины. Не все мне близко в этом мифе, особенно в его великокняжеско-королевской части, но нельзя не согласиться: что-то в нем есть. Например, от Риги или Таллинна Вильнюс сильно отличается, потому что не был ганзейским центром, а был именно столичным, сакральным городом и местопребыванием достославного университета. Кроме того, он вырос естественно, а не в результате колонизации. И как Ты отметил, когда спорят о Вильнюсе, спорят об историческом ранге этого города: региональный ли это центр или одна из традиционных восточно-европейских столиц. Речь также идет о ранге и выживании Литвы. Потому что без Вильнюса Литва — эфемерное государство, а с Вильнюсом она обретает все свое прошлое и всю историческую ответственность.

Между Литвой и Польшей не было крупных войн, и все же виленский вопрос был очень труден. Город постепенно стал польским (и еврейским) анклавом на литовской территории. Языком окрестностей в девятнадцатом веке по-прежнему был в основном литовский (я узнал об этом, как раз занимаясь Мицкевичем). Чтобы разрубить этот исторический да и социальный узел, нужны были Соломоны-мудрецы, которыми нас, в общем, не баловала история; кстати, не хватало и времени. Так что поступали неразумно. Литовцы не могли и до сих пор не могут простить ни историю с Желиговским, ни полонизаторский задор Бочаньского и прочих; не могли они понять и федерационных идей Пилсудского, и в сущности были правы, ибо не так надо создавать федерацию, даже если она возможна, в чем я слегка сомневаюсь. Но с другой стороны, не хотели понять, что поляки тоже имеют права на Вильнюс, поскольку польское население и польская культура тогда в городе преобладали. Насильственная литуанизация была бы таким же непростительным грехом, как и насильственная полонизация. Во всяком случае, стереотип «коварного поляка» в то время, увы, очень распространился. Независимая Литва считала себя чем-то вроде Пьемонта, цель которого — завоевание Рима, сиречь Вильнюса. Это было не только государственным делом, но и массовым чувством. Что ж, народ настоял на своем, хотя в силу исторической иронии литовское упрямство победило при самых трагических обстоятельствах.

Но сейчас, кажется, мы оба считаем, что этот спор окончен. Вильнюс стал новым городом, вкусил двадцатого века. Правда, это все еще провинция, и даже хуже, чем прежде, потому что весь Союз — отчаянная провинция. Это все еще анклав, только на сей раз литовско-русский анклав в преимущественно польском окружении. И все же я надеюсь, что Вильнюс станет столицей демократической Литвы. Литовцы — в необычайно трудной ситуации — создали для этого предпосылки.

Мстислав Добужинский. Вильно. Базар у стены. 1907 г.

Вильнюс, этот вечный анклав, обретает здесь новые возможности. Он может быть образцом для всей Восточной Европы как город пересекающихся этнических групп. Сосуществование и взаимное обогащение должны заменить старые трения, и главной помощью в этом деле служит антитоталитаризм. Возьмем, к примеру, еврейский вопрос. Ты прав: Вильнюс не может быть тем же самым городом без еврейских кварталов, которые снесли немцы, отчасти Советы. И все же немногочисленные евреи остались в Вильнюсе значащей группой. Их отношения с литовцами не просты, потому что действительно часть литовцев (как и поляков, русских и других) была спровоцирована на преступления во время войны. Тому есть разные причины, в которые я здесь не собираюсь вдаваться; при этом следует добавить, что сотни литовцев занимались спасением евреев, иногда рискуя жизнью; но преступление есть преступление, тут ничего не поделаешь. Страшная потеря для литовской культуры, что все следы еврейского Вильнюса ликвидированы, даже то, что можно было сохранить; и страшный позор, что о замученных евреях не говорят, вспоминают только ни в чем не повинных «советских граждан». Если человек разобрался в этих простых вещах, это ему очень помогает при решении литовско-еврейских конфликтов и при установлении сотрудничества. Антисемитизм в Литве (кроме официального) сейчас ослабел, может быть даже вымирает. Конечно, еврею видней, но я слышал об этом и от евреев.

Та же модель работает при улучшении литовско-польских отношений, даже и литовско-русских, хотя разница между время ситуациями существенна. Вопрос о «литовском» и «польском» исторически отчаянно запутан, потому что сами понятия «литовец» и «поляк» менялись в ходе столетий. В одном смысле литовцы — Мицкевич и Сырокомля, в другом — Виткацы, Гомбрович, да и Милош, в третьем — Пашкевич и Довконт, в четвертом — современный литовский писатель, а Оскар Милош даже в пятом. Ясно одно: наши нации связаны и даже как-то не могут обойтись друг без друга. Становясь современной нацией и государством, Литва должна была подчеркивать, что отличается от Польши. Теперь уже не надо делать на этом упор, потому что это и так очевидно; и, конечно, не надо переругиваться, потому что ругань только режиму на руку, — об этом я уже говорил. Ты упомянул, что литовский национализм был по природе своей судорожным и ограниченным; может, не всегда, потому что были попытки диалога с поляками, на которые, кстати, следовал ответ: «ни в коем случае»; были разные неожиданные сближения, в том числе семейные и личные; но я согласен, что там было предостаточно фанатизма и обычной обезоруживающей глупости, что типично для всякого национализма — французского, фламандского, может даже ретророманского, Бог его знает. Многие, пожалуй, скажут, что малым нациям это легче простить; но во всяком случае мы не можем прощать это себе сами. Но прежде всего мы должны учитывать реальную современную обстановку; а реальная обстановка — это двести тысяч поляков вокруг Вильнюса и двадцать тысяч литовцев в Польше, вокруг Сувалок. Среди них уже нет аристократии, почти нет интеллигенции; это рабочие и крестьяне, люди, растоптанные режимом, но имеющие право на человеческую жизнь. Меня возмущают притеснения литовцев в Сейненском округе, особенно потому, что это делает польский Костел, имеющий столько заслуг. Но если когда-нибудь начнется принудительная, недоброжелательная литуанизация в Вильнюсском крае (сейчас она не имеет места — ее заменяет русификация), то я буду первым, кто скажет «нет». И, надеюсь, не буду единственным.

Ты прав, когда говоришь, что за фасадом официальной лжи во всей Восточной Европе легко найти национализмы. Это амбивалентная, но очень опасная сила. Вся ценность мировой культуры — в многообразии традиций и языков; но когда язык и происхождение оказываются амулетом, спасающим во время резни, то я уж предпочел бы оказаться среди зарезанных. Гуманизация национальных чувств — дело первой важности; а следовательно, что-то надо для нее делать в меру сил.

Париж

B U S I N E S S — I N F O R M A T I O N

ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ *представляет*

ФРАНЦИЯ

МЫ НЕ ДАЕМ НЕ НУЖНЫХ ОБЕЩАНИЙ

ИНТЕРВЬЮ ТОРГОВОГО СОВЕТНИКА ПОСОЛЬСТВА ФРАНЦИИ В БЕЛАРУСИ БЕРНАРА ДАГУССО

— Месье Дагуссо, каким видится вам участие Франции в наших экономических преобразованиях?

— Реформы это прежде всего белорусская проблема. Наша деятельность здесь — это изучение ситуации в вашей стране и возможностей для совместной работы. Делать инвестиции можно, только зная ваши законы. У вас недавно приняли соответствующие законы. Наше министерство финансов, комитет по внешнеэкономическим связям стараются договориться с правительством Беларуси о защите иностранных инвестиций. Только в этом случае мы сможем быть серьезными партнерами.

— Что необходимо предпринять для увеличения взаимного торгового оборота и по каким товарам и услугам?

— Я располагаю статистикой министерства финансов Франции. Она такова: за 11 месяцев 1992 г. импорт Беларуси во Францию составил 53,33 млн. франков. Экспорт Франции в Беларусь — 29,77 млн. франков. Положительное сальдо в пользу Беларуси — 23,56 млн. франков. Что же мы купили у вас? Это индустриальные товары (21% общей массы), сельскохозяйственное оборудование (19%), продукты химии (15%), полиэтилен (14%). Франция продала вашей стране, в основном, продукты сельского хозяйства (19% французского экспорта в Беларусь), индустриальные товары (16%), продукты химии (14%). Пока Франция предлагает вам те же товары, что и другие страны. Во многом именно эта «неиндивидуальность» нашего экспорта поставила Францию на 20-е место в ряду ваших торговых партнеров. Для Франции это результат крайне непривычный как для одной из ведущих западных держав, привыкшей занимать 2—3 места на рынках своих партнеров.

Расширение круга товаров и услуг — одна из наших главных задач. Не надо забывать, что в прошлом году наша торговля работала без всякой поддержки банков, а это затрудняло сделки, суживало диапазон торговли, не давало партнерам твердых гарантий. Бизнес 1992 года — это бизнес с расчетом наличностью. Но дело уже сдвинулось с мертвой точки. Внимательно изучив ваши банки, мы остановили свой выбор на «Приорбанке», Белвнешэкономбанке, Белпромстройбанке. В феврале нынешнего года эти банки стали полноправными партнерами французских банков. Правительство Франции предоставляет этим банкам и их клиентам соответствующие гарантии и весь комплекс банковских услуг. За последние три месяца мы совершили обмен товаров с Беларусью, лишь немного уступающий прошлогоднему объему. Мы надеемся, что за этот год продвинемся значительно в наших торговых отношениях и рассчитываем потеснить нынешних фаворитов: Польшу, Германию, Австрию, Швейцарию и Великобританию, общий оборот которых в торговле с Беларусью достигает 45%. Мы ждем переговоров между главами наших правительств и уверены, что в случае принятия закона об охране инвестиций, Франция выйдет на лидирующее место в торговле с вашей страной.

— Кроме непосредственного экспорта-импорта, существует торговля через третьи страны, что значительно менее выгодно для обеих сторон. Причем значительная доля здесь приходится на мелкий и средний бизнес, который не имеет больших возможностей, как крупные фирмы, для выхода на рынки наших стран. Быть может, необходимо каким-то образом организовать контакты французских предприятий с белорусскими и продвигать белорусские товары на французский рынок?

— Безусловно, среднему и малому бизнесу нужно помогать. Французские маленькие фирмы зачастую не рискуют пробовать силы у вас. Незнание языка, сложная политическая и экономическая ситуация, нехватка нужных законов — вот главные камни преткновения на этом пути. Наше посольство как раз стремится помогать средним и малым фирмам. Моя работа здесь — это что-то похожее на структуру, о которой вы говорите.

— Известно, что французские фирмы наибольший интерес в Восточной Европе проявляют к инвестициям в цементную, химическую промышленность, металлообработку, сельскохозяйственное производство, строительство гостиниц, банковские и страховые услуги, туризм. В какие отрасли в первую очередь собирается пойти французский капитал в Беларуси?

— Мы согласны работать в любой отрасли, где фирмы наших стран найдут общий язык. Сейчас уже работают 8 совместных белорусско-французских предприятий, в том числе аптека в Минске с широким ассортиментом медикаментов, магазин французской оптики. На мебельной фабрике в Барановичах на французском оборудовании производят высококлассную мебель, которая пользуется спросом во Франции. Свое представительство недавно открыл концерн «Пежо», который; думаю, не надо представлять. Его партнером с белорусской стороны является минская фирма «Автоматические системы и технологии». Это уже конкретные результаты сотрудничества. В наших планах открытие к концу 1993 года своей Торговой палаты. Основная наша ставка — на крупные, долгосрочные инвестиции и проекты, на создание в Беларуси новых рабочих мест.

— На каких условиях возможно предоставление кредитов французскими банками белорусским фирмам?

— Пока таких условий, к сожалению, нет. Сегодня во Франции тоже много проблем и прежде всего — дефицит бюджета. Только через 12—18 месяцев, когда будет создана сбалансированная кредитная линия, через ваши банки белорусские предприятия смогут получать кредиты из Франции. Мы стараемся ускорить этот процесс. Наша философия такова — мы никогда не обещаем того, что не можем сделать, но уж если обещаем, то делаем наверняка.

С Б.Дагуссо беседовал корреспондент «Европейского времени» И.Тимковский, кандидат экономических наук.

	Средний курс в канторе		Ценв в канторе		Курс польского нац. банка	
	в ZL					
	покупка—продажа		покупка—продажа		покупка—продажа	
$	848	941	16700—16940	16900—17000	16747	17431
DM	10228	10306	10190-10280	10240—10400	10205	10621
£	25749	26127				
FF	3068	3125				

КУРС ВАЛЮТ

С 26 мая по 1 июня таможенная и статистическая стоимость товаров в товарообороте с заграницей устанавливалась по курсу:

американский доллар	17089 zl.
немецкая марка	10413 zl.
британский фунт	26146 zl.
французский франк	3093 zl.
швейцарский франк	11574 zl.

ПОЛЬША

АВТОМОБИЛЬНЫЙ РЫНОК

На авторынках продается большое количество легковых автомобилей, но в виду высоких цен сделки осуществляются редко. Легче всего продаются польские автомобили, прежде всего маленький «Фиат».

В начале июня с участием зарубежных фирм в Люблине состоятся Восточные торги — Автосалон-93. Будут представлены автомобили, запчасти, автомобильная косметика, антикоррозийные средства, противоугонные устройства, диагностическое и др. оборудование.

* * *

В июле будет введен VAT (по способу расчета аналогичен российскому НДС) в размере 22%, кроме того для автомобилей стоимостью свыше 10 тыс. долларов вводится также акциз (для отечественных — 10%, для импортных — 15%). Добавится также шестипроцентный налог на импорт. Налог с оборота (для автомобилей с объемом двигателя до 1600 куб.см. — 28%, от 1600 до 2000 куб.см. — 30% и свыше 2000 куб.см. — 35%) и налог с торговли отменяются. По оценкам польских экономистов, либо произойдет подорожание автомобилей на 2—11.5%, либо посредники будут вынуждены уменьшить маржу.

Марка	Год выпуска (цены в миллионах злотых):				
	1993	1992	1991	1990	1989
Фиат 126р	51-56	46.5-54	40-47	31-37.5	26-32.5
Полонез	87-93	77-119	56-78	50-60	46-51
Лада Самара		87-94	89	75	72
Ауди 80			220	195	
Тойота		350		200	
Шкода					57

МАТЕРИАЛЫ ИЗ СНГ НА ПОЛЬСКОМ РЫНКЕ

Широко представлены на польском рынке металлургические изделия. Несмотря на то, что цены в последнее время выросли в связи с ростом курса доллара, они все еще ниже польских. Например, арматурная сталь в Польше стоит 4.2—4.3 млн. зл. за тонну, а российская — 3.6—3.7 млн. зл. за тонну. Наибольшим успехом пользуются оцинкованная жесть и арматурная сталь. Большой интерес проявляют поляки также к трубам, особенно для строительных лесов. Меньшим спросом стали пользоваться радиаторы из СНГ, в частности, минского производства. Польские инвесторы не удовлетворены качеством поставляемых газо- и водопроводных труб, цемента. Поставщики из СНГ все лучше ориентируются в польских рыночных ценах и все труднее польским импортерам договориться о выгодных ценах.

В мае были следующие цены в млн. злотых на металлические изделия из СНГ:

жесть черная	- 3.75	уголки -	3.55—3.7
жесть холоднокатанная	4.35—4.65	арматурная сталь	- 3.6—3.65
жесть горячекатанная	4.15	трубы черные бесшовные	- 46
жесть оцинкованная	- 6—6.5	трубы белые бесшовные	9.4—25.2

ЦЕНЫ НА КВАРТИРЫ И ЗЕМЛЮ

(за кв.м в млн. злотых)

Цены на квартиры колеблются.

В агентствах — от 6 до 12.5

При наличном расчете* — от 4.5 до 8

Для членов жилищных кооперативов — от 0,942 до 4.5 .

Цены на небольшие квартиры ниже и не превосходят 7

Участки земли продаются по цене 0,02—0,03

КАНТОРЫ

В июне 1993 г. зафиксированы следующие курсы доллара (USD) и марки (D/M) в злотых:

	USD		D/M	
	покупка	продажа	покупка	продажа
Белосток-Океан	16880	16940	10250	10300
Бытом-Экспресс	16820	16920	10200	10280
Гданьск-Макс	16800	16900	10220	10300
Катовице	16800	16910	10190	10260
Кельце-гост."Бристоль"	16800	16950	10200	10300
Краков-Флорианска 34	16850	16920	10220	10280
Лодзь-Агробанк	16800	17000	10200	10400
Познань-Гавроник	16940	17000	10210	10240
Жешув-полк.Лиза-Кули	16800	16920	10200	10300
Сталова Воля-Окулиского	16850	16950	10200	10280
Щецин-Банк ПКО А.О.	16840	16950	10200	10300
Варшава-гост."Варшава"	16880	16930	10220	10280
Вроцлав-Рынок АС	16860	16930	10210	10270

РЕДАКЦИОННЫЙ ДНЕВНИК

ПОЛ ДЖОНСОН

THE SPECTATOR

СЕМЬ СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ ЖУРНАЛИСТИКИ

Даже без доклада Кэлкотта и яростных парламентских дебатов очевидно, что общественное восприятие тех, кто обеспечивает нас новостями, в последнее время резко изменилось. Это значит, что журналист больше, чем политик или даже священник, должен быть высоко моральной личностью.

В настоящее время мы этого не наблюдаем. Мало кто из современных журналистов проходит полноценную профессиональную подготовку, не говоря уже о моральной. Когда я был молодым, сорок лет назад, единственным наставлением, полученным от моего редактора Кингсли Мартина, было: «Никогда не набрасывайся на жену министра, даже если она этого заслуживает. Это тебе не крикет». Сомневаюсь, чтобы сегодняшним новичкам уделяли хотя бы столько внимания. Тем более важно определить то, что я называю Семью Смертными Грехами средств массовой информации.

Первый — извращение фактов. Не имею в виду ложь, поскольку публикация явной лжи довольно редка. Искажение истины, намеренное или по небрежности, более распространено. Единственная надежная защита от него — постоянная бдительность, непременное желание сообщать абсолютную истину, как говаривал Сэмюэл Джонсон. Ему же принадлежат слова: «В этом мире так много неправды не столько из-за преднамеренной лжи, сколько из-за небрежности по отношению к правде».

Второй смертный грех я назвал бы «культом фальшивых образов». Это касается прежде всего тележурналистов: изображение, зафиксированное на пленке, определяет форму и содержание новостей. Зритель легко устает, а яркими сценами, как правило, содержащими насилие, можно привлечь его внимание. Слова, комментарии здесь вторичны. Получается, что хвост виляет собакой. На сюжет, бедный «картинками», независимо от его содержания, не обращают внимания. Экран заполняют бесконечные «мыльные оперы» с Каддафи и Кастро, Пол Потами и Хусейнами в роли опереточных разбойников.

Третий смертный грех — это вмешательство в личную жизнь. Оно все возрастает, хотя отказ британской прессы опубликовать полный текст предполагаемого похотливого разговора принца Уэльского с Камиллой Паркер-Боулз показывает, что есть границы, которых не переходят даже отъявленные бульварные издания. Любой орнитолог подтвердит, что некоторые птицы, обнаружив, что за ними постоянно наблюдают, гибнут. Человеку с его хрупкой душой тем более необходима частная жизнь. Подслушивание телефонных разговоров, съемка скрытой камерой, самозванство — набором орудий журналист порой напоминает взломщика.

С этим тесно связан **четвертый грех** — «убийство личности». Один из самых могущественных британских газетных магнатов лорд Бивербрук был знаменит своим «черным списком» общественных деятелей и перечнем лиц, упоминание которых в его газетах было запрещено при любых обстоятельствах. Пресса может быть заряженным ружьем, направленным на человека, и тот, кто спускает курок, должен еще раз спросить у своей совести, правильно ли он выбрал цель.

Пятый грех -- это использование секса, чтобы повысить тиражи и доходы. Непристойности появились в газетах в XYIII веке, но они еще никогда не внедрялись так систематически и неразборчиво. В Британии этому особенно подвержены телевизионные каналы ВВС-2 и канал-4. Бульварные газеты, так называемые tabloids, посвящают больше трети площади тому, что следует классифицировать как мягкую порнографию. Это подводит нас к **шестому смертному греху**: отравление душ детей тем, что они видят, слышат и читают. Сегодня родители, сколь бы бдительными они не были, не в состоянии осуществлять цензуру, и единственная защита — это нравственная мера тех, кто решает, что печатать или транслировать. Но ее как раз и нехватает.

Наконец, **седьмой смертный грех** -- злоупотребление той громадной властью, которой обладают mass media. Высказывание лорда Эктона, что всякая власть склонна к загниванию, относится к четвертой власти в той же степени, что и к политике. Привыкая к этой власти, даже те, кто устоял перед финансовыми соблазнами, черствеют и демонстрируют этакий беззаботный подход и склонность к моментальным решениям. В каком-то смысле, седьмой грех подытоживает собой все предыдущие.

Раз есть Семь Грехов, должны быть и Десять Заповедей, которые относятся прежде всего к редакторам и продюсерам, а также и ко всем, кто имеет влияние на прессу.

Первая — искреннее желание находить и высказывать правду — это намного больше, чем просто призыв не лгать. Требуются огромные усилия в поисках правды, тщательность в высказываниях и желание сделать истину понятной слушателям и зрителям, что, пожалуй, труднее всего. Высказывание правды должно быть сбалансировано чувством ответственности.

Вторая заповедь заключается в том, что журналист всегда должен помнить о последствиях своих слов. Грань между информацией и провокацией иногда весьма тонка, что было видно на примере освещения прессой беспорядков в Лос-Анджелесе.

Это подводит нас к третьей заповеди: говорить правду недостаточно, необходим компетентный анализ. Так что журналисты обязаны быть образованными. Это необходимо, так как первичная функция mass media — «образование через информацию». Это наш моральный императив, наш главный вклад в мировую культуру. Так что **четвертая заповедь** гласит: журналист должен обладать духом миссионера, чтобы побуждать аудиторию к самосовершенствованию.

Пятая заповедь в чем-то самая трудная и самая важная. Следует отличать общественное мнение в его великом историческом смысле от преходящего мнения толпы. Нортклиф повесил в своем кабинете загадочный лозунг «Им по десять», имея в виду умственный возраст читателей «Дейли Мейл». Х.Менкен утверждал: еще ни одна газета не потеряла тираж из-за недооценки интеллекта своих читателей. Однако если пресса считается с моралью, она ведет с публикой аргументированный диалог.

Иногда мы должны демонстрировать качества лидера — **это шестая заповедь**. Газета должна не только сообщать читателям те новости, которые они хотят услышать, но и побуждать их делать то, что они считают обременительным. Трудно припомнить серьезное издание, которому бы принесли ущерб непопулярные, но принципиальные решения.

Но такое лидерство требует мужества, и в этом смысл **седьмой заповеди**. Чем старше я становлюсь, тем больше убеждаюсь, что мужество — величайшая из добродетелей. Моего старшего коллегу Николаса Томалина, убитого при исполнении профессионального долга на Голанских высотах, однажды спросили, в каком качестве нуждается журналист. Он ответил: «В хитрости крысы», но мог бы добавить: «В мужестве льва» — качестве, которым сам обладал в полной мере.

Восьмая заповедь: готовность признавать ошибки есть также форма мужества. Благородное и непринужденное, такое признание — лучшее из доказательств, что газета или телекомпания обладает чувством корпоративной чести. Но этого недостаточно. **Моя девятая заповедь** — обычная порядочность, способность быть честным «по привычке». Такие газеты видны за милю — так они редки.

Моя последняя заповедь — самая положительная из всех: уважайте, цените, лелейте слово. Даже ТВ и видео имеют дело прежде всего со словом. Умение держать слово и любовь к слову — две стороны одной и той же монеты. В этой валюте мы вносим вклад в мировую культуру.

СРЕДИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

«Мусіць, трэба ажывіць фельдмаршала Гінденбурга. Нашы людзі выберуць яго ў Вярхоўны Савет, каб растлумачыў дэпутатам тое, што ўсім даўно вядома: »У кожнай дзяржаве павінна быць свая мова і свая сімволіка. Есць не згодныя? Кругом! Шагом марш! Туды, адкуль прыйшлі!" ***(Вячаслаў Піліпчык. «Грамадзян суверэннай рэспублікі трэба выхоўваць. — »Літаратура і мастацтва", 30 апреля).***

Ну почему же Гинденбургу такое преимущество? Недавно выяснилось, что есть еще один кандидат на воскрешение — гауляйтер Кубе. Тоже большой друг белорусского народа, борец за его национальное возрождение (см. «Свободные новости», № 9). Почему бы и его, воскресив, не выбрать в Верховный Совет? А там, глядишь, и Беларусь войдет на правах «независимой автономии» в состав «великий Германии», на которую, кстати, призывает ориентироваться в геополитических интересах проект новой программы БНФ (см. «Навіны БНФ», май). Есть несогласные? Так им скомандуют: «Кругом! Шагом марш!» А что? «Грамадзян суверэннай рэспубікі трэба выхоўваць!» Вот и «газета творческой интеллигенции Беларуси» уже выступает в роли фельдфебеля... Все нормально.

* * *

«В газете »Европейское время" нашлись «знатоки», научно обосновавшие необходимость атомных станций в Беларуси. Не верьте! Не нужны вам АЭС! Есть много других источников энергии" *(Жорж Дардье: «Историю не переделаешь. Славяне — один народ». — «Семь дней», № 21).*

Г-н Дардье, как грамотно аттестует его автор беседы Святослав Рубцов, «потомок парижской аристократии и русского донского казачества». Сейчас, по сведениям того же Рубцова, «живет в СНГ, где возглавляет Центр культурных связей по региону бывшего СССР». Толковый адрес, не правда ли? Где-то в СНГ живет человек и работает «по региону бывшего СССР»... А между тем у нас есть вопрос к месье Дардье. В каком это номере «Европейского времени» он обнаружил «научные обоснования атомных станций в Беларуси»? Нам это особенно интересно, поскольку в газете не было ни одной публикации «знатоков» на эту тему. Единственное высказывание, в самой общей форме затрагивающее проблемы ядерной энергетики в Беларуси, принадлежит послу Франции в нашей республике Клоду Жолифу (см. «Европейское время», 1992, № 1). Комментируя визит С.Шушкевича в Париж, посол в беседе с корреспондентом газеты Л.Ключниковой сказал, что среди обсуждавшихся вопросов были и энергетические: «Но не только ядерной, а энергетики вообще». И еще: «Подчеркну, что речь идет не о помощи в строительстве АЭС и их оснащении, а о проблемах энергетики вообще». И все. Где тут обоснование «необходимости атомных станций в Беларуси»? Поскольку адрес месье Жоржа Дардье «не дом и не улица», а просто СНГ, мы вынуждены адресовать свой вопрос редакции газеты «Семь дней».

Spiritus flat ubi vult

Свободный дух веет, где хочет

«ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ»

**Международное обозрение.
Республика Беларусь.**
Издание зарегистрировано
в Министерстве информации РБ,
№ 542

Главный редактор
Семен БУКЧИН

FINITA

ФЕЛЬЕТОН

НОЧЬ В ШТАБ-КВАРТИРЕ СНГ

ДРАМА В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

Действующие лица:

Грачев, министр обороны России
Морозов, министр обороны Украины
Козловский, министр обороны Беларуси
Коротченя, координатор
Призрак Ельцина
Голос Шушкевича (за сценой)

Время действия — лето 1994 года

Грачев: — Ну что, мерзавцы? Наигрались со своей суверенностью? Довели народ до ручки?

Коротченя: — Спадар Грачев, СНГ еще существует, и я прошу вас...

Морозов: — Да сиди ты тихо со своим СНГ! (Грачеву) Пан маршал, положение действительно очень тяжелое. Но не будем забывать, что ненько Украина всегда мечтала о свободе... Вспомните великого Тараса...

Грачев: — Ты нарушил присягу, Морозов! Тебя будет судить трибунал! Вспомним тогда и вашего Тараса, и как ты со своими хохлами над Черноморским флотом измывался. (Козловскому) А ты, бульбяник, чего сидишь, словно воды в рот набрал? Еще не все наши ракеты чучмекам по дешевке загнал, а?

Козловский: — Я должен посоветоваться с руководством.

Голос Шушкевича (за сценой): — Спадар Козловский! Не забывайте о своей исторической ответственности за судьбу белорусского народа!

Козловский: — Подмахнул бумажку в Беловежской пуще, а теперь про мою ответственность перед народом говорит.

Коротченя: — Господа! Российские танки стоят в сотне километров от Минска, а к Киеву приближается бригада российских десантников. Мы должны что-то сказать нашим народам, наконец, мировому сообществу!

Грачев (Морозову): — Ну что там твой Кравчук надумал?

Морозов: — Пан президент попросил политического убежища в Молдове, у Снегура.

Грачев: — Вот дурень! Так мы ж Кишинев по плану завтра брать будем. Лучше б он пленум ЦК Компартии Украины собрал... Ну, а эти твои жовтоблакитники... националисты... они что удумали?

Морозов: — Часть вместе с Чорноволом в подполье ушла. Будут бороться с москалями. А другие — с Драчем во главе — пишут торжественную оду в честь нерушимой дружбы Украины с Россией.

Грачев: — Молодцы! Письменники у нас всегда хорошо держали нос по ветру. (Козловскому) Ну, а ваши лизоблюды что? Небось, уже накатали?

Козловский: — Так точно, товарищ маршал! Нил Гилевич, народный поэт, приготовил торжественную кантату на случай вступления российских войск в Минск.

Грачев: — Давно приготовил?

Козловский: — Сейчас говорит, что еще в тот день, когда Беларусь суверенитет объявила.

Грачев: — Предусмотрительный мужик.

Голос Шушкевича (за сценой): — Предатель!

Грачев: — А этот ваш главный крикун... Как его? Позняк, что ли?

Козловский: — Назначен директором института археологии и отправлен в экспедицию на Таймыр. Ищет сходство черепов белорусов с жителями Крайнего Севера.

Грачев: — Так у вас же все готово! Чего тянем резину?

Коротченя: — Хорошо бы Бориса Николаевича послушать...

Грачев: — А ты, Коротченя, оказывается, привык уже к демократическому наркотику? Бориса Николаевича захотелось... А генерала Лебедя, которого я уже назначил комендантом Минска, не желаешь послушать? Он тебе хорошим русским языком все разъяснит.

Коротченя: — Все-таки... хотелось услышать самого Бориса Николаевича... пожалуйста...

Грачев: — А знаешь ли ты, Коротченя, что Борис Николаевич теперь уже и не человек, а дух?

Коротченя: — Что вы такое говорите, спадар маршал? Как это можно? Президент России и... какой-то дух...

Грачев: — Я тебе говорю, что Ельцин — дух! А что ты хочешь? Человек от секретаря обкома такой путь проделал, что ему теперь только в дух парящий перейти осталось. Впрочем, его вполне можно сейчас вызвать. Занавесьте окна.

Козловский: — Это зачем?

Грачев: — Сейчас будем круглый стол вращать и дух Ельцина вызывать. Как у масонов.

Морозов: — Разве мы масоны?

Грачев: — Помалкивай, отступник! Борис Николаевич, ты здесь? Отзовись!

Призрак Ельцина: — Друзья мои!

Штаб-квартира СНГ. Фото С. Грица.

Настал час новых великих перемен. Все взяли суверенитета сколько захотели. Теперь пришла пора поделиться друг с другом. Мы вместе прошли большой и славный путь от Беловежской пущи и теперь должны вернуться к его началу. Я благословляю вас на подписание нового союзного договора. Во главе с маршалом Грачевым.

Морозов: — Борис Николаевич, вы где? Вы на свободе?

Призрак Ельцина: — Подписывай, Морозов! Не сомневайся. Все путем.

Голос Шушкевича (за сценой): — Борис Николаевич, ведь вы мне обещали... Я вам так верил, так верил...

Призрак Ельцина: — Что ты, Станислав Станиславович, расплакался, как девушка. Я вот тебе и сейчас верю. Ты ведь умный. Понимать должен. Исторические обстоятельства изменились. Народ русский, как выяснилось, не может жить в отрыве от кровных братьев своих — украинцев и белорусов.

Грачев: — И остальных братьев мы тоже не забудем.

Коротченя: — Свежая телеграмма! Танки на окраине Минска, десантники уже на Крещатике! Надо готовить экстренное сообщение!

Голос Шушкевича (за сценой): — Живе Беларусь!

Грачев: — Конечно, живе! Ну что, Козловский, с тебя начнем?

Козловский: — Боязно как-то, товарищ маршал. Ответственность! Может, Украина раньше? Все-таки старшая сестра...

Грачев: — Во-во! Вспомнили старших братьев и сестер. Давай, Морозов!

Морозов: — Но это же, панове, какая-то хунта получается.

Грачев: — Выучил иностранное слово. Эх, Морозов! Хоть ты и продался хохлам, а я тебя русским человеком считал. Теперь вижу — ошибся.

Морозов: — Да я разве против? Но почему так получается, пан маршал? Секретари ЦК кашу заварили, а мы, военные, отвечать за все должны?

Коротченя: — Я предлагаю, чтобы ответственность была равная, подписывать так: всем троим министрам взяться одновременно за одну ручку и сразу подписать.

Грачев: — Неудобно будет. Как это мы все трое сразу ухватимся за одну ручку?

Коротченя: — Зато политически очень правильно. Борис Николаевич, диктуйте! Они уже готовы!

Призрак Ельцина: — Исходя из сложившейся обстановки и руководствуясь здоровой целесообразностью, постановили восстановить в полном объеме Союз Советских Социалистических Республик...

Голос Шушкевича (за сценой): — Живе Беларусь!

Грачев: — Кто это тут у вас все время вякает?

Козловский: — Да это так... один... из бывших...

Грачев: — Смотри у меня!

Занавес

Globe Trotter

ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ

Учредитель С.В.Букчин
Адрес редакции: 220050, Минск, ул.Кирова 13, гостиница "Свислочь", № 512.
Телефон редакции: 20-45-67 (с 14-00 до 18-00).
Для писем: 220100, Минск-100, а/я 338, "Европейское время".

Индекс 63139 Тираж на русском языке 20000 экз. Цена 11 рублей
Газета отпечатана в типографии издательства «Белорусский дом печати»
220041, Минск, проспект Скорины, 79
Номер подписан в печать 8.06.1993 г. Зак. № 192

П 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
М 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12